

Горят ли рукописи? Репрезентативность корпуса королевских жалованных грамот поздней донормандской Англии (871–1066 гг.): постановка вопроса*

Д. В. СУХИНО-ХОМЕНКО

Аннотация: В статье поднимается вопрос о том, насколько репрезентативен корпус англо-саксонских королевских жалованных грамот. В силу исторических причин он рассматривается только для периода от правления Альфреда Великого до правления Эдуарда Исповедника (871–1066 гг.). Разбираются количественный, географический и хронологический аспекты репрезентативности имеющейся выборки. Отмечается выраженная корреляция между этнополитическим разделением Англии и числом архивов, а также количеством грамот для того или иного региона и количеством архивов в нём. Далее разбирается проблема объективности распределения наличных королевских актов по архивам и во времени. Имеющиеся данные не позволяют окончательно исключить возможность документальных потерь в масштабе, повлёкшем искажения в выборке. Однако сумма косвенных аргументов склоняет чашу весов в пользу хотя бы относительной хронологической и географической репрезентативности доставшегося историкам корпуса, даже если реальная дистрибуция могла быть более сглаженной.

Ключевые слова: англо-саксы, грамоты, королевские жалованные грамоты, Денло, Уэссекс, средневековые архивы, бокленд, завещание, статистика, тэны

---

* Автор хотел бы выразить огромную благодарность и признательность Томасу Экхольму за помощь в составлении карт и баз данных для настоящей статьи; Герлофу Бауме и Наталии Эриксон за консультации по вопросам статистического анализа; Альберту Фентону за общие продуктивные обсуждения; Джейку Стэттелу за возможность ознакомиться с предварительной рукописью его статьи.

Denis V. Sukhino-Khomenko

Do Manuscripts Burn? The Representativeness of the Corpus of Royal Diplomas of Late pre-Norman England (871–1066): Opening a Discussion

Abstract: This article addresses the problem of the representativeness of the surviving corpus of English pre-Norman royal diplomas. For historical reasons, the analysis focuses on diplomas generated between the reigns of Alfred the Great and Edward the Confessor (871–1066). More specifically, the numerical, geographical, and chronological aspects are discussed. This research spotlights a peculiarly pronounced correlation between the ethnopolitical division of Lowland Britain into the “Danelaw” and “Greater Wessex”, as well as between the sum total of charters for a given region and the number of archives in it. The article then asks whether the archival and chronological distribution of the extant royal *acta* can be considered objective. The data available leave room for potential mass losses in the documentary material to the degree of significant distortions in the extant sample. However, when put together, indirect evidence tips the balance in favour of the corpus’ at least relative chronological and geographical representativeness, even if the said losses distorted it to a lesser or greater degree.

Key words: Anglo-Saxons, charters, diplomas, Danelaw, Wessex, medieval archives, bookland, will, statistic, thegns

For citation: *Сухино-Хоменко Д. В.* Горят ли рукописи? Репрезентативность корпуса королевских жалованных грамот поздней донормандской Англии (871–1066 гг.): постановка вопроса // *Graphosphera: Письмо и письменные практики.* 2022. Т. 2. № 1. С. 175–286. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-175-286>

DOI: 10.32608/2782-5272-2022-2-1-175-286

© Д. В. Сухино-Хоменко, 2022.

Англо-саксонские королевские жалованные грамоты являются одним из важнейших и богатейших источников для английской истории раннего Средневековья. Их общий корпус к настоящему времени составляет ок. 1060 экземпляров, что позволяет говорить о нём как о, на первый взгляд, весьма представительном собрании. Его характеристика и подробный обзор, как и соответствующий историографический и источниковедческий очерк, представлены в нашей совместной работе с Т. В. Гимомом выше в настоящем выпуске (Сухино-Хоменко, Гимон 2022)¹. Любая работа с подобными памятниками, впрочем, пред-

---

¹ Там же подробно охарактеризованы значение и нюансы терминов «жалованная грамота», «указная грамота», «бокленд», «фолкленд», «архив», «гайда», «каруката» и ряда других, что избавляет нас от необходимости разьяснять их в настоящей статье, а также представлены и источниковедческие детали, такие, как проблема подлинности или значение и функции списков свидетелей. В настоящей публикации мы следуем тем же принципам цитирования оригинальных источников и употреблений древнеанглийских слов, что и в упомянутой работе.

полагает постановку вопроса о репрезентативности дошедшего до нас корпуса (см., например: Esch 1985). Настоящая статья рассматривает три аспекта его представительности: количественный, географический и хронологический. Оговоримся сразу, что мы не надеемся подвести окончательную черту: на некоторые вопросы при имеющихся данных, видимо, в принципе невозможно ответить.

Общие вводные

Насколько позволяет судить знакомство с литературой, проблема потенциально ограниченной представительности имеющихся грамот иногда признаётся, однако методологические поправки на неё, как правило, не оговариваются отдельно. Так, из работ, исследующих англо-саксонские грамоты *en masse*², мы не нашли никаких комментариев о проблеме репрезентативности корпуса в: Lavelle 2011; Insley 2013a, b; Trousdale 2013; Snook 2015; Kelly 1992³. Вскользь она затронута, например, в: Insley 2020b. P. 8; Lupo 2000. P. 148, n. 11; Lavelle 2007. P. 119.

Обсуждая критерии подлинности (не может ли документ выглядеть аномально потому, что нам не известен весь набор некогда существовавших формул?), Фрэнк Стентон имплицитно допускал, что выборка может быть непредставительной (Stenton 1955. P. 15). Схожим образом Саймон Кейнс, комментируя сохранность соответствующих рукописей, заключил: «...большинство англо-саксонских архивов сегодня представлены лишь небольшим количеством исходных документов, а то и вовсе в изначальном виде не сохранились... дошедшие картулярии демонстрируют такое разнообразие, что какие-то донормандские архивы сегодня представлены много лучше других» (Keynes 1980 [2005]. P. 2, 3). Напротив, Джордж Молиню имплицитно подразумевает, что выборка репрезентативна, по крайней мере географически, поскольку малое число королевских пожалований за пределами «большого Уэссекса»⁴ сочетается с необычайной представленностью завещаний в бывшем королевстве Восточная Англия. Следовательно, в Восточной Англии документы в монастырских архивах откладывались и имели возможность дойти до нас, а значит, отсутствие среди них королевских жалованных грамот – не историческая случайность, а следствие отсутствия таковых в реальности

---

² См. подробную историографию англо-саксонского акта: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 33–69.

³ Впрочем, материалом для последней статьи послужили лишь десять грамот. Тем не менее, рассуждая о политических причинах появления и исчезновения изучаемой практики освобождения от налогов, автор никак не оговаривает возможную плохую сохранность документов за VIII в.

⁴ Т. е. королевства Альфреда Великого, распространившегося на все территории к югу от Темзы, и союзной полунезависимой Западной Мерсии.

(Molyneux 2015. P. 51). Схожую точку зрения ранее занимали Сирил Харт и Энтони Сайм, объясняя почти полное отсутствие королевских жалованных грамот в Бери-Сент-Эдмундс при одновременном наличии здесь большого числа указных (Hart, Syme 1987. P. 168). Похожее мнение высказывала Энн Уильямс, считая более редкие по сравнению с кентскими источниками упоминания королевских грамот в «Книжице епископа Этельвольда» (см. рус. пер.: Книжица 2008) при описании сделок с землёй в Восточной Англии доказательством их изначально меньшего количества, что коррелирует с лучшим документальным покрытием южной и западной Англии (Williams 2008. P. 59, 61)⁵. С другой стороны, Сьюзан Рейнольдз допускала, что источник мог просто не упоминать королевские грамоты, лежавшие в основе имущественных прав контрагентов Этельвольда (Reynolds 1994. P. 333). В своей более ранней работе, однако, Уильямс стояла на несколько иной позиции. Отсутствие грамот за пределами «саксонской» Англии она списывала на малое число здесь крупных бенедиктинских общин. В пользу наличия, но дальнейшей пропажи документов, по её суждению, говорит косвенное указание всё в той же «Книжице» на подтверждение или конфискацию имущественных прав (не)присягнувших Эдуарду Старшему (прав. 899–924) землевладельцев в Денло, что должно было, по её мысли, неизбежно породить какую-то несохранившуюся документацию (Williams 1995. P. 74, п. 13).

Наиболее последовательно, хотя и без точных числовых показателей, видимо, аргументы *pro et contra* изложил Ливай Роуч (Roach 2013. P. 94–96, 99). Против репрезентативности имеющегося у нас корпуса грамот говорят следующие его соображения:

- подавляющее большинство крупных архивов лежат к югу от Темзы;
- даже в Уэссексе заметно сосредоточение пожалований вокруг нескольких церковных центров;
- географическое распределение даже внутри «большого Уэссекса» неравномерно: грамот Саррея, Сассекса и Корнуолла гораздо меньше в сравнении с документальным покрытием исторического Уэссекса и Кента, что автором связывается напрямую с архивной практикой;
- не только архивные особенности могли повлиять на выборку в целом:

---

⁵ Впрочем, в двух других местах книги автор говорит о «сильном тяготении имеющихся свидетельств к южной и западной Англии» и что имеющаяся «картина до неизвестной степени искажена неравномерной сохранностью источников» (Williams 2008. P. 8, 61).

- если королевский патронат осуществлялся в виде пожалований фолкленда, грамоты не писались в принципе;
- при физическом наличии старых грамот производство новых могло быть избыточным, короли могли лишь подтверждать прежние пожалования; именно этим может объясняться перекося в сторону исторического Уэссекса в ущерб Кенту, где сохранилось множество ранних пожалований.

Однако сам Роуч скорее оптимист и полагает, что архивный фильтр сформировал выборку лишь частично, поскольку:

- новые грамоты всё же могли производиться даже при наличии старых на те же бокленды⁶;
- мы должны исходить из концентрации королевской власти и земельного фонда именно в центральном Уэссексе, где и сохранилась бóльшая часть грамот;
- рост количества ежегодно производимых грамот в архивах с более или менее непрерывной историей (например, кафедральный приорат Кентербери и Олд-Минстер) после 927 г. должен говорить в пользу хронологической репрезентативности, как минимум, для X в.

Представляется важным дополнить эти, большей частью теоретические, суждения некоторыми конкретными выкладками и цифрами, сопоставление которых может склонить чашу весов в пользу того или иного вердикта.

Количественная репрезентативность

В силу нашего неведения рассмотрение первого из заявленных аспектов репрезентативности будет наиболее кратким. Говоря прямо, мы не знаем, какая доля всех имевшихся англо-саксонских документов дошла до нашего времени. Иногда встречающиеся в текстах самих пожалований или, наоборот, более поздних источников упоминания⁷ каких-то предшествующих или иных грамот, не известных ни в копиях, ни в подлинниках, подтверждают, что имеющаяся выборка не полна, но насколько – вопрос, видимо, не имеющий ответа из-за отсутствия перекрёстных источников. В случае с некоролевскими грамотами (жалованиями светских аристократов, завещаниями и др.) мы можем предполагать, что перед нами лишь верхушка айсберга. Например, уникальная серия арендных договоров вустерского епископа Освальда (занимал кафедру в 961–991 гг.) дошла только потому, что была целиком скопирована

---

⁶ Известны случаи, когда в текст грамоты вставлено аннулирование прежних документов на то же имение, – см. примеры: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 102.

⁷ В последнем случае они публикуются в серии BACS в виде приложений.

в картулярий XI в., *Liber Wigorniensis*. Учитывая, что с 972 г. Освальд также занимал должность йоркского архиепископа, логично предположить, что его понтификат и на севере мог бы оставить немало документации – если она была, то целиком пропала (Tinti 2018. P. 304–305, п. 4). Историки согласны, что до Нормандского завоевания грамоты попадали в церковные архивы, как правило, если соответствующая община прямо или косвенно выступала в них заинтересованной стороной. С приходом нормандцев, чьи имущественные права были продолжением прав только их непосредственных предшественников (*antecessores* в Книге Страшного суда) на 1066 г., такие документы, к тому же чаще всего написанные на древнеанглийском языке, оказались и вовсе неактуальными (Rumble 2013. P. 198). Показательна приписка почерком XII в. на обороте знаменитого Фонтхилльского письма (S 1445): *inutile* («бесполезное»)⁸. Документ, вероятно, попал в Кентербери вместе с переводом на эту кафедру в 1006 г. винчестерского епископа Эльфхеаха (Insley 2013a. P. 342, 356) и рассказывает о поместьях, за сто лет до того оказавшихся в сфере имущественных интересов винчестерской, но не кентерберийской епархии. Видимо, именно поэтому средневековый архивист кафедрального приората Кентербери так оценивал значимость письма⁹. Общее число некогда изданных королевских жалованных грамот, к сожалению, также не поддаётся никакой хотя бы примерной оценке. Имеется ряд обоснованных предположений о существовании каких-то ныне утраченных королевских архивов, но нет свидетельств, чтобы в них велись записи о «входящей и исходящей» документации¹⁰, подобно тому, например, как позднее в Италии нотариусы кратко регистрировали составленные ими акты в собственных учётных книгах (Esch 1985. S. 532–540)¹¹.

Всё, что нам остаётся, – строить догадки. Так, С. Кейнз считает оптимистичным допущением, что дошедшие до нас подлинные грамо-

⁸ Keynes 1992. P. 60, plate VI. Древнеанглийский текст, комментарий и перевод на современный английский язык опубликованы там же. Рус. пер. см.: Фонтхильское письмо 2009. О содержании письма см.: Глебов 2000; 2004.

⁹ Ср. такую же приписку почерком XII в. на обороте S 204 (844×845 гг.), единственной достоверной королевской жалованной грамоте на древнеанглийском (о ней см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 83), также сохранившейся в кентерберийском архиве.

¹⁰ Тезис о ведении подобных недошедших регистров уже с 854 г., в развитие мнения Герберта Финберга, в 1970 г. высказал С. Харт, но Александр Рамбл подверг его критике как слишком однобоко трактующий содержание винчестерского картулярия London, British Library, Add. 15350, он же – *Codex Wintoniensis* (Rumble 2013. P. 185, 196–198).

¹¹ Наиболее близкое, что мы имеем – конспект гластонберийского картулярия *Liber terrarum* (см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 36, примеч. 17), однако он не был регистром в смысле полной и ведшейся поколениями описи имевшихся за всё время существования братии её грамот.

ты 925–975 гг. составляют одну десятую от произведённых в этот период (Keynes 2013. P. 53). С другой стороны, данные, обобщённые Александром Рамблом, предлагают картину несколько меньших документальных потерь. Исследователь собрал список известных к 1086 г. 29 топонимов с элементом *Buckland* (< д.-а. *bōcland*) в названии; в четырёх случаях для них известны и жалованные грамоты (Rumble 1987. P. 220), что предполагает соотношение сохранившихся и утраченных документов на уровне примерно один к семи.

Данное обстоятельство накладывает известные ограничения на работу с грамотами количественными методами и заключения на её основе. Они, как кажется, распространяются в первую очередь на абсолютные показатели, такие, как, положим, точные соотношения числа выпущенных грамот по отдельным годам или количество подписей тех или иных свидетелей. Однако имеющаяся выборка достаточно обширна, чтобы позволить оперировать относительными величинами, особенно если они подкрепляются данными других источников в сочетании с рассмотрением протяжённых отрезков времени. Например, нет способа определить, какому количеству своих тэнов (д.-а. *þegn*) Альфред Великий (прав. 871–899) пожаловал бокленды за почти тридцать лет правления и какая доля этих пожалований дошла до наших дней, но можно наверняка сказать, что их было в разы меньше, чем тэнов Этельстана (прав. 924–939). Взрывной рост их числа в его грамотах – как среди бенефициаров, так и среди свидетелей – сопровождается резким же ростом их упоминаний в его законодательстве (см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 91–93). Если за весь предыдущий период тэны упоминались в юридических памятниках лишь трижды (Wi 20; Ine 45; AGu 3)¹², а в обширном судебнике Альфреда¹³ – вообще ни разу, то только за 920–930-е гг. тэны четырежды попали на страницы королевских постановлений (IV As 6:2, 7; V As 1:4; VI As 11)¹⁴. Учитывая, что последний из этих параграфов впервые говорит о землевладении тэнов на законодательном уровне¹⁵, едва ли можно видеть здесь совпадение. Видимо, в грамотах отразились два параллельных и, возможно, взаимообусловленных процесса. С одной стороны, Этель-

¹² Здесь и далее ссылки на законодательные памятники – по изданию Феликса Либерманна: Liebermann 1903. Bd. 1.

¹³ Подробный источниковедческий обзор и перевод этого источника см.: Jurasinski, Oliver 2021.

¹⁴ О неоднородности законодательных памятников, традиционно обозначаемых по имени этого государя («As» или «Æthelstan»), см.: Keynes 1990. P. 235–241. О законодательстве Этельстана в целом см.: Foot 2011. P. 136–148.

¹⁵ *7 þe healfum þara ælc minra þegna, þe gelandod sy 7 þa steore swa healdan nelle, swa ic beboden habbe* («...и половину от этого [60 шиллингов] [заплатит] каждый мой тэн, который будет владеть землёй и не хочет руководить, как я приказал»).

стан унаследовал традиционные механизмы государственного управления, завязанные на личное королевское присутствие, харизму и авторитет, которые манифестировались через королевские собрания, а главным институтом и одновременно «кадровым резервом» оставался королевский двор (Золотарёв 2005. С. 99–100; ср. его описание при Альфреде в: Pratt 2007. Р. 29–43, – и при Этельстане в: Foot 2011. Р. 63–93). Но подвластная Этельстану территория объективно увеличилась в два–три раза по сравнению с державой Альфреда, поэтому собрания – где принимались ключевые решения и через которые Этельстан упрочивал своё положение – становились многолюднее: и король нуждался в большем количестве «вассалов», и большее число магнатов и (полу)независимых правителей оказывались заинтересованными во взаимодействии с уэссекским государем. С другой стороны, правление Этельстана отмечено интенсификацией королевского вмешательства в жизнь подданных, в частности посредством юридических и административных нововведений (что, впрочем, ещё не свидетельствует о сложности и совершенстве имевшегося в его распоряжении административного аппарата и его эффективности как таковой). Так, Этельстан расширил (уточнил?) сферу деятельности элдорменов, наделив их правом давать трёхдневное убежище ворам и обязав надзирать за сбором десятины и соблюдать королевские предписания (I As Prol.; IV As 6:2; VI As 11); ограничил чеканку монеты пределами городов и определил число монетных мастеров в них (II As 14); в какой-то момент пытался ограничить торговлю товарами стоимостью более 20 пенсов только городами, где сделки должны были свидетельствовать должностные лица (*portgerēfan*; II As 12, 13:1), но позже это требование как, видимо, невыполнимое было снято (IV As 2; VI As 10); в продолжение предшествующих требований Альфреда и Эдуарда Старшего (прав. 899–924) предписал управляющим (*gerēfan*) принимать клятву о соблюдении правопорядка от людей на подчинённых им территориях (VI As 10); вводил новые, беспощадные наказания за воровство (Lambert 2017. Р. 174–180; Molyneaux 2015. Р. 106–109, 111–112). Эта политика, как видно, не всегда была успешна, но, видимо, предполагалась к проведению королевскими людьми, связанными с государем личными узами (*lordship*), подкреплёнными держанием «земель по грамоте», почему они и называются дословно слугами (д.-а. *þegn*, лат. *minister*)¹⁶. Отсюда понят-

¹⁶ Ср.: «Расцвет таких [королевских] грамот пришёлся на (грубо говоря) X век (ок. 930 – ок. 1020 гг.). Причины до сих пор не понятны, но, возможно, они лежали в сфере королевской политики, по крайней мере на коренных уэссекских территориях. Расширявшееся королевство нуждалось в чиновниках и администраторах для передачи (или даже проведения в жизнь) королевских распоряжений, и таких чиновников требовалось вознаграждать» (Williams 2008. Р. 84; об управлении королевством через

но, с одной стороны, физическое умножение их рядов, известное из грамот, а с другой – перечисление королевских тэнов в одном ряду с элдорменами и управляющими в V As 1:3–4 и IV As 6:2, а также VI As 11 (Lambert 2017. P. 126–128). Впрочем, ниже мы ещё затронем проблему определения отношений между королём и «его тэнами». Из тех же соображений, например, отсутствие грамот за короткий период 991–993 гг. можно списать на какую-то случайность, но едва ли она вероятна для всей второй половины правления Эдуарда Старшего, 910–924 гг. (Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 88–91).

Также кажется вероятным, что количественно выборка сама по себе достаточно объёмна, чтобы предполагать, что она содержит экземпляры если не всех (или почти всех), то большинства существовавших серий королевских жалованных грамот. В частности, списки свидетелей в грамотах разных серий производят впечатление скорее согласующихся между собой перечней, нежели хаотичного набора имён без какой-либо последовательной связи. Поэтому, хотя мы не в состоянии точно оценить, скажем, сколько мирян в X в. действительно получили земли (и в каком размере) от короля напрямую (Molyneux 2015. P. 49; следуя логике Кейнза, их самих или розданных имений могло быть на порядок больше, либо же допустим и какой-то промежуточный вариант), мы можем быть более или менее уверены в своей реконструкции общего списка индивидов, посещавших королевские собрания на протяжении того же столетия. Имей мы на руках большее число грамот, он, вероятно, был бы полнее, но вряд ли принципиально иным по составу.

Географическая репрезентативность

Географическое распределение грамот по архивам ставит перед исследователями череду сложных вопросов. Мы рассмотрим их в первую очередь для королевских жалованных грамот и только применительно ко времени 871–1066 гг. В историографии последних лет оно иногда выделяется в условный «поздний англо-саксонский период»

«главных подданных» см. также: Molyneux 2015. P. 48–85). Далее, впрочем, Уильямс упоминает *taini regis*, известных из Книги Страшного суда в большом количестве в Беркшире, Гэмпшире, Уилтшире и Дорсете, имплицитно ставя их на одну доску с бенефициарами из королевских грамот. Несмотря на одно и то же используемое слово для обозначения королевских людей, при ближайшем рассмотрении *taini regis* не напоминают магнатов X в.: указания на их профессии и география держаний говорят об их занятости в хозяйстве королевских поместий, кроме того, их владения обычно не превышают нескольких гайд (Lavelle 2007. P. 102–123), что не сочетается с часто более обширными пожалованиями в грамотах. Ср. также: Reynolds 1994. P. 337 и Williams 1995. P. 109–125, где Уильямс последовательно разводит эти две группы, а также ниже.

(или «позднюю англо-саксонскую Англию»), время складывания единого королевства и заметного преобразования административных, фискальных и юридических структур (Molyneaux 2015; Lambert 2017. P. 163–348; Lavelle 2007. P. 46–47; Insley 2020a). В рамках настоящей статьи важно в первую очередь превращение в этот момент выпуска королевских грамот в монополию уэссекской династии, что позволяет говорить о потенциально гомогенной выборке (Keynes 2013. P. 42–135), которую методологически корректно подвергать анализу¹⁷. Также уточним, что мы не принимаем в расчёт грамоты, в отношении которых исследователи едины во мнении об их подложности (таких документов мы определили 191 из 733 шт.). Однако включение в корпус только бесспорно надёжных грамот (354 шт.) заметно сузило бы выборку, что сильно исказило бы результаты. Поэтому при подборе материала был выбран компромиссный подход: с одной стороны, были учтены грамоты, называемые «в целом подлинными», «интерполированными, но основанными на более раннем материале», «вероятно, подлинными» и т. п., а также те, где авторитетные мнения расходятся. Напротив, исключены из подсчета были экземпляры, называемые «подложными, основанными на другом источнике», «подложными, основанными на более раннем материале» и т. п. (97 шт.), а также те, в которых лишь меньшинство исследователей видят аутентичное ядро. Принимая решение относительно каждой грамоты, мы, как и Бен Снок, следовали за вердиктами редакторов BACS, если грамота уже издана в этой серии; в остальных случаях мы опирались на сумму мнений в «Электронном Союере» (*The Electronic Sawyer*) (Snook 2015. P. 16); если же и в «Электронном Союере» о подлинности ничего не говорится, грамоты заносились в категорию подлинных как не спровоцировавшие дискуссии¹⁸. Таким образом, наша выборка составила 542 документа, из которых две трети не вызывают сомнения в подлинно-

---

¹⁷ В данном случае мы исключаем из рассмотрения две грамоты последнего независимого мерсийского короля Кеолвульфа (прав. 874–879?), но включаем 9 грамот (западно)мерсийского элдормена Этельреда и «госпожи мерсийцев» Этельфлед за ок. 880–918 гг., поскольку политически они оставались хотя и независимыми, но младшими партнёрами уэссекских правителей, Альфреда и Эдуарда, т. е. с известным оговорками можно трактовать этот союз как потенциально более или менее единое политическое пространство.

¹⁸ При этом суждения редакторов первых трёх томов BACS как, возможно, устаревшие дополнительно перепроверялись по «Электронному Союеру», а при оценке грамот королей Альфреда, Эдуарда Старшего, Этельстана, Эдгара и Этельреда особое предпочтение отдавалось мнениям в: Roach 2013. P. 97; Snook 2015. P. 61; Keynes 2008; 1980 [2005]. P. 237–268. Напротив, мнения Г. Финберга и С. Харта, известных своими мягкими критериями подлинности, принимались с дополнительной осторожностью.

сти, примерно одна шестая содержит подлинную основу и ещё примерно одна шестая вызывает большие или меньшие разногласия. В дальнейшем при необходимости обозначить аутентичность этого корпуса мы будем говорить о «(вероятно) подлинных» грамотах.

Общее распределение по стране. Нам удалось определить 81 архив, претендующий на наличие в нём некогда англо-саксонских грамот какого-либо типа, общим числом в 1675 экземпляров¹⁹ (Прил. 2, табл. 1.1). Основным материалом для подсчёта количества архивов послужили базы данных из онлайн-проектов *LangScape* и *LASC (Languages of Anglo-Saxon Charters)*. В отличие от «Электронного Сойера», они сохранили устройство базы ресурса *England c. 450–1066 in a Nutshell*, где собрания общин, позже попавшие в другие, более крупные архивы, были выделены в отдельные единицы²⁰. Таких архивов, угасших ещё до 1066 г. и чьи собрания были перемещены, обнаружилось восемь: Першор, Сент-Джёрманз, Минстер-на-Тэнете, Бодмин, Кредитон, Лайминдж, Рекальвер и Хортон, – и ещё три в промежуточном статусе: в случае с Бредфилдом не до конца ясно, был ли там архив; нет единства мнений относительно того, какая община *on Breodune* фигурирует в S 193 (840 г.) – современный Бредон (Вустершир) или Бридон-на-холме (Лестершир). Впрочем, эти 11 фондов не составляют заметного процента в общей массе (47 грамот). В случае, если архив указан как не до конца установленный, мы принимали вероятную атрибуцию наших предшественников; несколько грамот неизвестного происхождения были нами исключены. Ещё четыре локации (Дарем, городская община Мальмсбери, Райпон, Сент-Джёрманз) также могут быть исключены, поскольку каждая сохранила только по одной подложной грамоте. На схожих основаниях потенциально исключаются Уинчкомб, Вулверехэмптон, Гент и Уолтем, однако в отношении их немногих документов остаётся некоторая

---

¹⁹ Это число было получено путём последовательного суммирования числа документов всех типов для каждого архива. Оно меньше общего числа известных англо-саксонских грамот, заявленного в каталоге, поскольку при выборе в соответствующем меню любого отдельного архива в «Электронном Сойере» не отражаются единицы из категории «неполных или утраченных текстов».

²⁰ О базах данных англо-саксонских грамот см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 57–62. Данная оценка расходится с приведённой Альбертом Фентоном: 86 архивов (Fenton 2021. P. 415, p. 12). Расхождение связано с неточностями в исходных данных, не учтённых автором. Архив Херефорда в базе LASC, на основании которой, как в личной переписке сообщил нам д-р Фентон, им и был произведён подсчёт, был учтён дважды (как «Hereford» и «Hereford, St Æthelberht's»), то же касается Глостера («Gloucester» и «Gloucester, St Peter's») и Йорка («York» и «York, St Mary's»). Также среди архивов фигурируют некий «архив из Западной Англии» («a West County archive») и Книга Страшного суда – к сожалению, при выборе этих «архивов» система не отражает заявленные вхождения, поэтому мы их не учитывали.

надежда на подлинность²¹. Таким образом, за вычетом перечисленных общин, а также ещё пяти на континенте (Фекан, Мон-Сен-Мишель, Сен-Дени, Реймс и две церкви в Руане; всего 8 документов), для Англии к концу англо-саксонского периода можно говорить о 57 реально функционировавших архивах, сохранивших (возможно) подлинные грамоты. Но даже с этими поправками нельзя не видеть, что эмпирический закон Парето почти идеально действует и в данном случае: примерно 79% всех грамот (1333 шт.) дошли в 22% архивов (18 собраний; доля возрастает до примерно 31% после упомянутого вычета), и очень много локаций (26 архивов) сохранили лишь по одной грамоте каждый. Среди английских собраний в глаза также бросается доминирование мужских монастырей (35 общин) над женскими (9 общин) и общинами белого духовенства (17 церквей)²², но это может объясняться их общим численным преобладанием²³. Кроме того, по нашим подсчётам, ещё 16 общин (4 женских и 9 мужских монастырей, 3 общины белого духовенства кафедральных соборов) чисто гипотетически могли бы стать архивами (Прил. 1, карта 2; Прил. 2, табл. 1.2). Впрочем, подобное теоретизирование вынужденно остаётся лишь предметом допущений и догадок: так, Элкборо, Рамбург, Спэлдинг, Стоу и Сент-Ив были лишь дочерними общинами более крупных монастырей, в двух случаях основанными накануне Нормандского завоевания; Леоминстер также прекратил существование где-то после 1046 г.; какие из десятков и сотен приходских церквей могли бы сохранить один-два документа каждый, не может быть известно в принципе.

При нанесении этих архивов на карту становится очевидной корреляция между их расположением и разделением будущей Англии в конце IX в. на две части: «саксонскую» (т. е. «большой Уэссекс») и «датскую» (т. е. Денло) (Прил. 1, Карта 1). Именно по «саксонскую» сторону границы находится подавляющее большинство архивов. Такое же сосредоточение грамот на юго-западе прослеживается и для общего числа документов (Прил. 1, Карта 3). При прочих равных это совпадение убедительно объясняется первой волной набегов викингов. По её завершении к концу IX в. древние общины на севере и востоке были либо уничтожены и не возродились, либо могли так или иначе пострадать

---

²¹ Например, единственная грамота из Уолтема, S 1036 (1062 г.), большинством комментаторов признаётся подложной (BACS XX. P. 274–275), но С. Кейнз оставляет ей шанс (Кейнз 1988. P. 200–203, 206; его мнению также следуют, например, авторы в: Baxter, Lewis 2017. P. 370).

²² Статус общины мог меняться на протяжении периода и нами определялся по состоянию на 1066 г.

²³ Об англо-саксонских женских монастырях этого времени см.: Болдырева 2019.

(Сент-Олбанс, кафедральный приорат Йорка, Райпон, община св. Кутберта, Беверли, лондонский собор св. Павла), так что часть из них находилась в той или иной степени запустения вплоть до «монашеского возрождения» середины X в. (Баркинг, Или, Кроуленд, Торни, Холм), в ходе которого здесь также появились новые общины (Питерборо, Рамси)²⁴. Принимая во внимание корреляцию между общим числом документов и архивов для любого региона (см. ниже), для Денло возможно постулировать заведомо менее представительную общую выборку: в силу исторических причин старые документы (VII–IX вв.) погибли²⁵, а новые (X–XI вв.) имели меньше потенциальных локаций для дальнейшего хранения.

Однако есть ещё одна переменная – собственно земли, о которых идёт речь в документах. В случае с королевскими жалованными грамотами описанные в них бокленды лежат в своей массе к юго-западу от англо-скандинавской границы. Закономерно возникает вопрос о существовании связи между расположением имения и местоположением архива (Прил. 1, Карта 4). Теоретически грамота могла попасть в монастырь, географически удалённый от жалуемого владения, – такие примеры действительно встречаются. Если подобные ситуации повторяются многократно, значит, выраженной связи между расположением владения и архива нет, а имеющееся покрытие территории Англии известными боклендами должно отражать какую-то историческую реальность, например практику их пожалования королями IX–XI вв. Это, в свою очередь, делает видимую невооружённым глазом концентрацию боклендов в «большом Уэссексе» в ущерб Денло неслучайной и влечёт за собой ряд исторических выводов.

В целях проверки подобной «нулевой модели» нами было проведено статистическое исследование расположений имений. Для перекрёстного контроля к королевским жалованным грамотам 871–1066 гг. мы добавили ещё три группы документов, также отобранные в соответствии с заявленными выше критериями: указные грамоты, пожалования мирян и завещания. В разделении последних двух групп мы следовали за группировкой Сойера, хотя некоторые документы из второй категории тематически ближе к первой (Tollerton 2011. P. 285–288).

---

²⁴ Не совсем ясно, в «саксонскую» или «датскую» Англию следует относить Бёртон, на месте которого, согласно полуполюгендарной традиции, существовала какая-то община, но исторически достоверное аббатство было основано только на рубеже тысячелетий (BACS II. P. xlv). О трудности проведения чётких границ Денло см.: Sukhino-Khomenko 2020. P. 210, n. 20; ср. Hill 1981. P. 98, maps 174–177.

²⁵ О свидетельствах существования собственной дипломатической традиции в ранней Нортгумбрии см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 73–74.

«Частные указные грамоты» (по Сойеру) были отнесены к пожалованиям мирян. Для этих трёх дополнительных групп нижняя хронологическая граница по 871 г. не проводилась, поскольку совокупное число документов в них значительно меньше отобранных королевских жалованных грамот после этой даты. Были исключены «пожалования епископов», поскольку в них заметная часть – это арендные договоры вустерской епархии X в. (см. выше), а также, в силу малочисленности, пожалования «прочих клириков», как они определены Сойером, если только они не были отнесены Флоренс Хармер к указным грамотам²⁶.

В результате из общего массива в 1675 грамот был сформирован корпус из 741 документа четырёх типов, в которых описаны 1297 отдельных локализованных имений (Прил. 2, табл. 2.1) (ещё 36 не поддаются локализации). Следует сделать несколько методологических замечаний. Во-первых, одно имение могло быть описано несколькими документами, в т. ч. и из разных категорий, поэтому при прямолинейном сложении числа поместий в каждой документальной группе сумма превышает заявленные 1297 единиц. Во-вторых, под «имением» понималась любая упомянутая и идентифицированная локация, что неизбежно даёт погрешность, потому что в некоторых (немногочисленных) случаях объектом пожалования выступает не целый сельскохозяйственный комплекс, а, например, городская усадьба или отдельные угодья (выпас, лесосека, место для рыбной ловли и т. д.). Небольшое количество не определённых на карте топонимов были исключены; напротив, немногочисленные топонимы могли быть зарегистрированы дважды (в исключительных случаях – трижды), если на локализацию претендуют сразу более одной географической точки. Если топоним определяется исследователями лишь с оговорками, принималась предложенная локация. При помещении топонима на карту за границы графств принимались границы «исторических графств» (Прил. 1, Карта 1), в большинстве своём практически не менявшиеся с XI по XIX в., но несколько раз сильно перекроенные с конца позапрошлого столетия при частом сохранении тех же названий. Подобный выбор с нашей стороны был продиктован отсутствием чётким комментариев, какие графства и какого времени указываются в локализациях в серии VACS, однако, судя по приложенным картам, редакторы оперируют именно традиционными границами. Наконец, в-третьих, в силу объёма данных для облегчения подсчётов единицей сравнения было выбрано именно историческое графство, а не конкретное имение. Такое упрощение неизбежно снижает точность исследования в силу условности границ

---

²⁶ О значении издания указных грамот Хармер см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 44 и 132, примеч. 230.

административных единиц и их неравной площади. Однако при всём сказанном выборку стоит признать скорее однородной, а данные настолько однонаправлены, что списать их на возможную случайность границ крайне затруднительно.

Полученный результат не оставляет никаких сомнений в несостоятельности «нулевой модели»: в среднем фонд документов любого архива на 64% состоит из документов на земли в том же графстве и на 25% – в соседних (т. е. имеющих с ним общую границу) (Прил. 2, табл. 2.2). Эти числа сглаживаются при удалении из подсчётов крайних значений (0% и 100%) до 51% и 38% соответственно, что в сумме, однако, по совпадению даёт такую же общую долю (89%). Данные соотношения в целом выдерживаются для всех четырёх изучаемых документальных групп, особняком стоят только указные грамоты, где общая сумма равна всего 76%, а также пропорции выравниваются для завещаний (42% в тех же графствах и 41% – в соседних). Единственное отклонение от этой тенденции – архив Вестминстера, но, как пишет С. Кейнз, оно может объясняться особым расположением короля Эдуарда Исповедника (прав. 1042–1066) к этой общине (Keynes 1980 [2005]. P. 143–144). Несколько отличные, но в совокупности близкие данные получаются при смене объекта измерения с архива на графство (Прил. 2, табл. 2.3): в среднем 33% земельного фонда любого графства известны из грамот архивов того же графства и 40% – из грамот в архивах соседних графств. При удалении экстремумов значения снова выравниваются до 49% и 42%, что в сумме даёт ещё бóльшую корреляцию (91%).

Таким образом, можно уверенно сказать, что связь между расположением имения и местоположением архива, в котором дошла соответствующая грамота (любого типа), действительно есть (Прил. 1, Карты 4–8). Очень показателен Восточный Мидлендс – архивы как бы обступают его по периметру и частично перекрывают своей «зоной притяжения», но в отсутствие собственных церковных общин здесь известно меньше боклендов, чем по соседству. То же в меньшей степени наблюдается и для Саррея и Сассекса, как то отмечал Л. Роуч. Севернее условной линии от залива Уош до полуострова Уиррал единственным сколько-нибудь заметным центром «документальной гравитации» оказался Йорк, поэтому эта огромная территория осталась практически белым пятном. Разумеется, в силу изложенных выше методологических ограничений подобную карту нельзя ни в коем случае абсолютизировать: владение могло лежать географически рядом с архивом, но адми-

нистративно – в соседнем графстве, что сбивает исследовательскую оптику. И тем не менее, с высоты птичьего полёта тренды очевидны²⁷.

Из сказанного следует: видимая концентрация боклендов в «большом Уэссексе» и особенно в его исторической части – методологически строго говоря – есть в первую очередь следствие сосредоточения здесь архивов, донёсших до нас документы. Из этого, в свою очередь, следует, что, имея такие исходные данные, мы не располагаем возможностью реконструировать королевскую политику наделения землёй в масштабах *всей* страны.

Распределение по архивам. Подтвердив наличие этого архивного фильтра, мы должны задаться вопросом о репрезентативности второго порядка. Проверке подвергнется положение Л. Роуча, что на выборку повлиял не только архивный фактор, но и, например, предполагаемая опора уэссекского правящего дома на конкретные графства, что должно подтверждаться тезисом Дж. Молиню и Э. Уильямс об объективности корпуса в силу отсутствия грамот там, где для того был потенциал.

Королевские акты о пожалованиях 871–1066 гг. рассредоточены по действовавшим 57 английским архивам крайне неравномерно (Прил. 1, карта 4; Прил. 2, табл. 1.1). Здесь также близко соблюдается закон Парето: почти 75% грамот (409 шт.) осели лишь в 17% собраний (10 архивов). Но особенного внимания заслуживает не полное совпадение их концентрации (даже в пределах «большого Уэссекса») с общим распределением²⁸. Вустер – абсолютный рекордсмен в общем корпусе (244 шт.) за счёт одного (изначально – двух) из своих картуляриев²⁹ – для изучаемых подлинных и вероятных королевских пожалований лишь на десятой строчке (13 шт.). На второй строчке в обеих выборках расположился винчестерский Олд-Минстер (213/119 шт.). Но если в общем корпусе третье место разделили кафедральный приорат Кентербери и Абингдон (157 и 159 шт. соответственно), то первый из них по сравнению со вторым сохранил в четыре раза меньше аутентичных королевских грамот от Альфреда до Эдуарда Исповедника (23 против 104 шт.), и, откатившись на шестое, уступил своё третье место Уилтону с его 32 экземплярами, которые с добавлением ещё двух оставшихся грамот из

---

²⁷ Ср. Карты 3 и 9 и Hill 1981. P. 22, map 31. На карте в этом издании представлены все имения, упомянутые во всех англо-саксонских грамотах всех типов за все периоды без различения их достоверности.

²⁸ В данном случае из общего числа исключались грамоты, поглощённые из других архивов.

²⁹ London, British Library, Cotton Tiberius A. XIII, он же – *Liber Wigorniensis* (ссылки на основополагающие исследования этой рукописи см.: Tinti 2018. P. 304, n. 3).

этого архива «в общем зачёте» лишь на четырнадцатой позиции. Четвёртое место в обоих корпусах занял Гластонбери (61/32 шт.). Пятым и шестым по количеству всех документов идут Вестминстер и Бери-Сент-Эдмундс (59 и 51 шт.), но достоверных королевских грамот анализируемого времени в них почти нет (7 и 2 шт. соответственно), что особенно контрастирует с их лидерством по числу указных грамот (34 и 18 шт. соответственно). Среди 16 документов аббатства Рамси и такого же количества в Чертси не сохранилось вообще ни единой интересующей нас (вероятно) подлинной грамоты, а среди 19 экземпляров из Кроуленда таких – лишь одна. При этом заметно, что Олд-Минстер и Абингдон по числу королевских актов после 871 г. идут с большим отрывом от следующего архива, Уилтона, и что собрания всех трёх составлены во многом из них же (53%, 63% и 94% соответственно). За исключением Кентербери и Вустера, то же верно и для Гластонбери, Шафтсбери, Бёртона³⁰, Нью-Минстера, Эксетера и Кредитона³¹ и в чуть меньшей степени Бата.

На подобную весьма неоднородную дистрибуцию не мог не повлиять целый ряд обстоятельств, но при наличии потенциала к откладыванию грамот они должны быть *prima facie* скорее объективными, чем нет. Скажем, общее количественное доминирование первой четвёрки архивов можно связать с, например, существованием всех четырёх уже к 871 г., что давало им «фору» в возможности накапливать документы. Но её же должны были теоретически иметь, например, и такие древние общины, как Кентербери, Вустер, Ившем и Мальмсбери. Преобладание прочих документов в их хранилищах говорит скорее в пользу пропорциональной достоверности распределения королевских жалованных грамот 871–1066 гг. Несостоятельно и предположение, что не самое большое их количество в 75% общин вызвано в целом плохой сохранностью жалованных грамот того же периода, поскольку во всех прочих датированных документальных типах выборка – как по оригиналам на отдельных листах, так и по спискам – выражено и ожидаемо тяготеет к позднему времени³². Это тем более принципиально, что

---

³⁰ Можно с высокой степенью уверенности считать, что из его 30 (вероятно) подлинных грамот за 871–1066 гг. минимум семь королевских пожалований попали одновременно при возникновении аббатства незадолго до 1004 г. вместе с завещанием Вульфрика Спота, S 1536 (Insley 2013a. P. 352–354). Цветное факсимиле этого документа в хорошем качестве см.: Hunt 2016. P. 143.

³¹ Его 12 документов, из которых шесть удовлетворяют выдвинутому критерию отбора, оказались в Эксетере после переноса сюда епископской кафедры в 1046 г.

³² К изучаемому периоду относятся: все (королевские и частные) указные грамоты; 54 из 58 завещаний; 30 из 61 пожалования мирян; 10 из 15 пожалований клира. Более глубокий анализ – без учёта достоверности – был проведён для пожалований епи-

крупные картулярии (во всех архивах) – не обязательно сугубо монотематические, а в силу вышеизложенных причин у некоролевских грамот (особенно на древнеанглийском) было гораздо меньше шансов сначала отложиться в документальных собраниях, а позже сохраниться в них.

Случайность выборки против географической репрезентативности – три аргумента. Однако все эти доводы об объективности упираются в возможный фактор случайности при сохранении потенциально большого количества накопленных грамот после складывания собраний к 1066 г., который может сводить вышеизложенные соображения на нет. По меньшей мере три факта могут быть приведены в доказательство массовости потерь и вызванных ими сильных искажений имеющегося распределения:

1. Преобладание Олд-Минстера и Абингдона напрямую коррелирует с наличием трёх особенно объёмистых картуляриев этих общин³³, где и сохранилось большинство их жалованных грамот. В случае, если бы эти рукописи до нас не дошли, картина была бы совершенно иной. Существование подобных объёмистых картуляриев и в других архивах само по себе не исключено (пример – известная по росписи содержания середины XIII в., но позже утраченная гластонберийская рукопись XI в. *Liber terrarum* [BASC XV. P. 87–96, 100–103, 533–553]).

2. Адресные формулы указных грамот практически всегда включают обращения короля к «его тэнам» (*his/mīne þegnas*), в т. ч. в указных грамотах, направленных в графства, где не зафиксировано ни одного пожалования королевскому *minister* (Йоркшир, Норфолк, Саффолк, Ноттингемшир).

3. Патрик Уормальд привёл ряд логических соображений и несколько эмпирических примеров в пользу того, что бокленд интересовал мирян постольку, поскольку они не были скованы рамками обычного права при его передаче по наследству (Wormald 2001; 2006; 2014. P. 217–220; о проблеме значения термина «бокленд» см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 105–121). На этом основании Уормальд постулировал что *вся* земля, известная из завещаний, была боклендом – собственно, потому они и писались, – и ту же точку зрения вслед за ним заняла такой крупный исследователь англо-саксонских завещаний, как

скопов (группы, отличной от пожалований клира в списке Соьера) и категории «прочих документов». Но и тут в первом случае из 166 единиц к периоду после 871 г. относятся 134, а во втором – 49 из 71. Оговоримся, что не были учтены категории «описания границ» (62 экземпляра), поскольку здесь невозможны датировки, и «неполные и утраченные тексты» (272 шт.) по техническим причинам (см. примеч. 19).

³³ Абингдонские London, British Library, Cotton Claudius C. IX и B. VI и винчестерский *Codex Wintoniensis*. Подробный источниковедческий обзор первых двух приведён в: BASC VII. P. liii–lxiii, а третьего – в: Rumble 1980.

Линда Толлертон (Tollerton 2011. P. 14–15, 279–280, 302–303), а ещё ранее – Э. Уильямс (Williams 2008. P. 84). В таком случае наследодатели из Восточной Англии, чьи завещания дошли в большом количестве (18 шт.) благодаря архиву Бери-Сент-Эдмундс, должны были распоряжаться боклендами, которые за редкими исключениями³⁴ не зафиксированы в жалованных грамотах, в т. ч. даже в тех случаях, когда наследником выступало само это аббатство. Оно же выступало получателем земель в некоторых дошедших в его собрании королевских указных грамотах³⁵, на которые тоже не сохранилось ни одной жалованной.

Ниже мы постарались собрать все возможные «за» и «против» этих аргументов и тем самым приблизиться к решению вопроса о (не)случайности выборки.

Возможные прямые контраргументы. Нет оснований заведомо исключать существование недошедших до нас аналогов *Liber terrarum* или *Codex Wintoniensis*. Средневековые составители картуляриев, отбирая документы, могли руководствоваться неизвестными нам соображениями и селективностью³⁶ (Snook 2015. P. 11–12), и несохранившиеся картулярии вполне могли быть пространнее дошедших. Более того, если картулярный составлялся поздно, то общее число подлинников в его основе могло быть также физически меньше в силу накопившихся потерь. Но большинство более или менее длинных реальных рукописей³⁷ устроены примерно так же, как и абингдонские и винчестерский, а именно включают в себя всевозможные документы разного времени, часто с целью представить документальное обоснование имущественных претензий братии (Keynes 1980 [2005]. P. 2–4; Tollerton 2011. P. 18), и отличаются от трёх упо-

---

³⁴ S 703 (962 г.), 1494 (962×991 гг.) и 1486 (1000×1002 гг.); S 513 (944×946 гг.), 1494 и 1515 (951×955 гг.); S 958 (1022 г.) и 1486; S 939 (995×999 гг.) и 1501 (960×994 гг.); S 483 (942 г.) и 1526 (942 × ок. 951 гг.).

³⁵ S 1069 (1043×1044 гг.), 1074 (1044×1047 гг.), 1077 (1052 г.?), 1080 (1051×1052 или 1053×1057 гг.). Примечательно, что в первых двух случаях, исходя из формулировок о том, что земли должны принадлежать аббатству так же полно, как ими владели предшественники, можно заключить, что речь опять шла о завещаниях (об этом сказано прямо в S 1077), тем более что известны примеры подтверждения завещаний указными грамотами: S 1153 (1052×1053 гг.), 1090 (1053×1061 гг.), 1082 (1051×1052 или 1053×1057 гг.) и 1490 (1042×1043 гг.).

³⁶ Она реконструируется для, например, составителя даже Cotton Claudius B. VI (BACS VII. P. lxi).

³⁷ Например: London, Lambeth Palace Library, 1212; Cambridge, Corpus Christi College, 189 (кафедральный приорат Кентербери); 111 (Бат), Aberystwyth, National Library of Wales, Peniarth 39 (Бёртон); Cambridge, University Library, Ff.2.33; London, British Library, Add. 14847 (Бери-Сент-Эдмундс); London, Public Record Office, E 164/27; London, British Library, Cotton Claudius D. X (Кентербери, монастырь св. Августина); London, British Library, Cotton Vespasian B. XXIV (Ившем); и др.

мянутых картуляриев (Абингдона и Олд-Минстера) лишь меньшим объёмом. В таком случае следует, что все их составители работали с какой-то особой избирательностью, не свойственной переписчикам, составившим более полные пропавшие картулярии, которые при этом исчезли, не оставив, в отличие от гластонберийского *Liber terrarum*, никаких следов. В принципе такое допущение мыслимо для отдельных случаев, но для всех сразу оно сомнительно и приближается к теории «чёрного лебеда». Например, картулярий *Liber B* из лондонского собора св. Павла пропал в XVIII в. и содержал лишь 11 грамот, причём разных типов: 8 королевских пожалований, 2 указные грамоты и 1 завещание (BACS X. P. 62–64). Ниже мы ещё затронем эту проблему. Дополнительные аргументы в ту или иную пользу в будущем могло бы дать изучение общей сохранности рукописей в библиотеках интересующих нас церковных общин, а также дальнейшее последовательное изучение истории каждого архива (не только его документальной части) от завершения англо-саксонской эпохи и вплоть до роспуска монастырей в XVI в.

Включение тэнов в адресные формулы указных грамот при отсутствии пожалований им может объясняться лексическим развитием д.-а. *þegn*. В одной из наших предшествующих работ мы уже приводили источники, свидетельствующие в пользу полисемантичности слова *þegn* и фиксации в конце X в. в качестве одного из его значений ‘свободный, полноправный и управомоченный член сообщества’ (Sukhino-Khomenko 2020). Если полагать, что латинский перевод начала XII в. отчёта кентской светской и духовной элиты королю Этельстану о принятых им законодательных нововведениях не допускал лексической модернизации, то такие полноправные жители могут встречаться уже в 930-е гг. (*Episcopi tui de Kantia et omnes Centescyre thaini, comites et uillani*), хотя возможны разные толкования³⁸. Кроме того, в пользу понимания

³⁸ III As Prol. Понимание этой фразы сильно зависит от понимания её синтаксиса. Являются ли *thaini, comites* и *uillani* перечислением разных групп («все тэны, [а также все] благородные [кентцы] и [все] рядовые [кентцы]»), или же последние два однородных члена уточняют первый («все тэны [= свободные и полноправные жители] Кента: [как все] благородные [свободные и полноправные жители Кента], [так и все] рядовые [свободные и полноправные жители Кента]») – из контекста это установить не удаётся. Похожая формула в указной грамоте S 985 (1017×1020 гг.), которой «король Кнут... дружески приветствует всех [своих] тэнов, как с вергельдом в 1200 шиллингов, так и с вергельдом в 200 шиллингов» (*Cnut cing gret... 7 ealle mine þegnas. twelfhynde. 7 twihynde freondlice*) позволяет думать, что, во-первых, *comites* и *uillani* уточняют *thaini*, а не дополняют; и, во-вторых, что модернизация всё же до конца не исключена. Собираемое значение ‘(свободный полноправный) житель, подданный’ для S 985 допустимо с учётом обращения Кнута (прав. 1016–1035) «ко всему своему народу, как людям с вергельдом в 1200 шиллингов, так и с вергельдом в 200 шиллингов» (*ealne his þeodscype, twelfhynde 7 twyhynde*) в его первом письме (Cp 1020, 1). С другой стороны, эту

тэнов из указных грамот как (избранных) членов своих общин может говорить замена «всех моих/своих тэнов» на «всех [моих] горожан» (*burhmenn/burhwaru*) в S 1103 (1042×1044 гг.) и 1153 (1052×1053 гг.) при обращении к жителям Лондона и Винчестера, которые в S 1119 (1042×1044 гг.), 1149 (1051×1066 гг.) и 1150 (1065×1066 гг.) даже называются *burhþegnas*. Не являются ли также «тэны гильдии Кембриджа» на примерно полвека раньше (Sukhino-Khomenko 2020. P. 219–220) такими же политически и юридически полноправными горожанами – или их верхушкой? В поздней англо-саксонской Англии определённо существовало распространённое в Средневековье представление о «лучших людях [общины]» (*boni homines/viri, optimi pagenses* и т. п. в континентальных источниках) как о локальной элите (The Settlement of Disputes 1986. P. 269–270; Vougard, Bühner-Thierry, Le Jan 2013. P. 749). Часто они так и назывались, «добрые» или «старшие люди» (*gōde/ieldestan menn*)³⁹. Примечательно, что в типологически схожих контекстах англо-саксонские авторы иногда говорят о «добрых/старших тэнах»⁴⁰ (см. также: Sukhino-Khomenko 2020. P. 220–224)⁴¹. Возможно, именно это обстоятельство объясняет,

фразу можно понимать и буквально: король приветствует всех своих (связанным с ним личными узами) тэнов – благородных и рядовых. В этом направлении указывает латинское словоупотребление в III Em 7:2, в котором штраф в 120 шиллингов за неисполнение королевского постановления налагается на *praepositus vel tainus, comes et villanus* – в отличие от III As Prol, здесь явно речь идёт о «должностных лицах», а не всей общине, которая в том же сборнике обозначена через транслитерацию *twelfhindi et twihindi* (III Em 2).

³⁹ Примеры из грамот: S 985 (1017×1020 гг.), 1064 (1058×1066 гг.), 1220 (1013×1020 или 1013×1018 гг.), 1391 (1043×1044 гг.), 1426 (1061×1065 гг.), 1466 (1038×1050 гг.), 1473 (1044×1048 гг.). См. также: Williams 2008. P. 38.

⁴⁰ Примеры из грамот: S 1216 (971×980 гг.), 1454 (990×992 гг.), 1409 (1051×1055 гг.), 1422 (1007×1014 гг.). В S 1456 (995×1005 гг.) говорится, что на собрание графства явились «все тэны как из Восточного, так и из Западного Кента – вся старшина» (*þegenas ægber ge of East Cent ge of West Cent . eal seo dugud*).

⁴¹ Ср. мнение А. Ю. Золотарёва, следующего традиционному пониманию тэна как юридического статуса, завязанного на обладание минимальной квотой земли (5 гайд), и потому видящего за «лучшими/старшими тэнами» графства своего рода «сословно-цензовую часть» общины (Золотарёв 2005. С. 110, 159). Исследователь, впрочем, оговаривает, что в их ряды попадали (или стремились попасть) также и зажиточные крестьяне (Там же. С. 136–147, примеч. 162; с. 141, примеч. 227). В наших предшествующих работах мы ставили под сомнение устоявшееся в историографии положение о тэнах как о статусной группе (или сословии) и указывали, что оно следует только из текстов архиепископа Вульфстана (Sukhino-Khomenko 2021). Более вероятным кажется предположение Золотарёва, что в поздний период уэссекские монархи стремились задействовать всех более или менее крупных землевладельцев в локальных сообществах в государственном аппарате вне зависимости от занимаемых ими формальных должностей (Там же. С. 117, 169). Развивая эту мысль, можно предположить, что на языко-

например, почему в ноттингемширских, дербиширских и йоркширских фолио Книги Страшного суда тэны (без уточнения «королевские») дважды обезличено упоминаются в начале, где приводятся обычаи графства: тэн, владевший бóльшим числом маноров, чем шесть, уплачивал *heriot* (здесь называемый *relevatio*) в размере £8 только королю, а имевший меньше – 3 марки серебра (£2) шерифу; при конфискации имущества тэна, обладавшего правами *sācu ond socn*, половину забирали король и эрл, половину – законные наследники; в последнем из трёх перечисленных графств сделано добавление, что горожане Йорка не платят *heriot*⁴². Поэтому позволительно думать, что король мог обращаться не только к своим непосредственным «вассалам», державшим от него земли по не дошедшим до нас грамотам, и/или к должностным лицам («чиновникам» [*officials*] в терминологии Э. Уильямс), но и к сообществам графств в лице их верхушки (А. Фентон говорит о «политическом теле»: Fenton 2020. P. 88–89), которые государь в силу своего сана определял как «свои», что и отразилось в формуле. Любопытно, что в S 1103 (1057×1060 гг.), дошедшей только в копии XV в., неизвестный переводчик передал предполагаемых древнеанглийских *þegnas* из адресной формулы через среднеанглийское *undurlýnges*. Для этого слова фиксируется не только значение ‘подчинённый феодала’ (= вассал?), но и ‘тот, кто хранит верность/присягал государю или правителю’, и отдельно в собирательном смысле ‘подданные’⁴³.

Впрочем, против подобного понимания *þegnas* в указных грамотах, требующего сосуществования полисемии не только в разных жанрах и памятниках разного происхождения, но и в текстах одной и той же королевской канцелярии, могут говорить частные грамоты. В уже упомянутой работе мы замечали, что как минимум в трёх частных указных грамотах (две из них – уже нормандского времени) лица помимо короля адресуются либо его, либо своим тэнам, что мы тогда интерпретировали как свидетельство употребления слова *þegn* в значении ‘вассал’ (Sukhino–Khomenko 2020. P. 208). Знакомство с научной литературой показывает, что в своих посланиях частные лица близко подражали стилю королевских (Timofeeva 2019. P. 62–68; Fenton 2021. P. 429–430, 432). Такое же следование языку королевской канцелярии проявля-

---

вом и концептуальном уровнях это «огосударствление» описывалось в терминах «вассальных» или «дружинных» отношений. См. также ниже.

⁴² GDB fols. 280c; 298d. Здесь и далее используется система ссылок на фолио в Книге Страшного суда по П. Г. Виноградову. Эти нормы, кстати, перекликаются с II Cn 71:3, но комбинируют *heriot* и права [*sācu ond?*] *socn* иначе.

⁴³ Middle English Dictionary 1997. P. 101, s.v. «underling 1b». Впрочем, конечно, делать далеко идущие выводы на столь косвенном свидетельстве рискованно.

ется и в частных грамотах (архи)епископа Освальда, сохранившихся уникальной серией (S 1297–1375; см. выше). Хотя содержательно они безоговорочно представляют собой арендные договоры на небольшие имения (1–6 гайд) на ограниченный срок и с возвратом, их язык и композиция довольно близко повторяют стиль королевских жалованных грамот (Tinti 2018 ff.), и прелат часто называет своих держателей тэнами (*minister*, *þegn* и т. п.), а сами владения дважды⁴⁴ объявлены превращёнными в бокленд.

Поэтому возможно и иное, даже в чём-то более простое объяснение: за *þegnas* из королевских указных грамот могли стоять те, кто в Книге Страшного суда назывались *taini regis* (или иные орфографические варианты) – мелкие министерялы и держатели, часто связанные с королевским хозяйством (см. примеч. 16). Для 18 из 34 описанных графств⁴⁵ известны отдельные списки таких индивидов в конце каждого соответствующего раздела. По состоянию на 1086 г. их было 386 человек, а их общий доход составлял £886 (Baxter, Lewis 2017. P. 371). Отождествление может следовать не только из использования одного и того же слова самого по себе, но и из деталей указной грамоты Вильгельма Завоевателя (после 1070 г.), в которой монарх «дружески приветствует... Оду, Этельсиге, Сэвульфа, Эльфсиге из Хэтча, Колу и Эадрика и всех своих тэнов в Гэмпшире и Уилтшире»⁴⁶. Ода, Этельсиге и Кола, скорее всего, опознаются как Ода из Винчестера (также владел землями в Уилтшире, Беркшире, Сассексе и Девоншире)⁴⁷, Э(те)льсиге сын Беорхтсиге⁴⁸ и Кола Охотник сын Вульфгеата⁴⁹ из списка *taini regis* в Гэмпшире. Имя *Кола* достаточно редкое и в сочетании с профессией охотника бо-

⁴⁴ S 1347 (984 г.), 1367 (985 г.?). Первый документ сохранился на отдельном листе и даже по своему внешнему виду копирует королевские пожалования и текстуально подражает стилю 'Edgar A' (Tinti 2018. P. 310 [figure 14.1], 315; об 'Edgar A' см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 98–99).

⁴⁵ Бакингемшир, Беркшир, Девоншир, Дербишир, Дорсет, Глостершир, Гэмпшир, Хантингдоншир, Хартфордшир, Линкольншир, Нортгемптоншир, Саррей, Сомерсет, Стаффордшир, Уилтшир и Уорикшир, а также, что важно в настоящем контексте, Ноттингемшир и Йоркшир.

⁴⁶ *Wiliam king gret... 7 Odan 7 Ægelsi 7 Saulf 7 Ælfsi at Hæccan 7 Cole 7 Eadric 7 ealle his þegnas on Hamtun scire 7 on Wiltun scire freondlice* (Bates 339).

⁴⁷ Oda 18. Здесь и далее все отождествления индивидов из Книги Страшного суда выполнены по просопографической базе *PASE Domesday*; цифры после имен – идентификаторы из этой же базы.

⁴⁸ Alsige 3.

⁴⁹ Cola 11. Теоретически мог быть тем же лицом, что и Cola 7 – *tainus regis* в Уилтшире, чей отец также держал то же имение до него (GDB fol. 73d), но *PASE Domesday* не проводит такого отождествления – видимо, в силу отсутствия указания на профессию.

лее не встречается, но некий тэн (*teignus*, без уточнения «королевский» или «короля Эдуарда») Кола в т. н. Эксетерской Книге Страшного суда (см. ниже) назван одним из совладельцев имений Вудспринг в Сомерсете и Хенскотт в Девоншире⁵⁰. Среди гэмпширских *taini regis* упоминается Эль(ф)виг сын некоего Сэвульфа⁵¹ – он мог быть Сэвульфом, который проходит как один из тэнов (*teignus*, без уточнения «королевский» или «короля Эдуарда») выше в фолио Гэмпшира и Эксетерской Книге Страшного суда в Сомерсете⁵². Эльфсиге из указной грамоты очень вероятно был Эль(ф)сиге, что владел при короле Эдуарде одной гайдой в гэмпширском Хэтч Уоррен до того, как передал её тому же Оде (на момент описи имение было в третьих руках⁵³), и даже Эль(ф)сиге Коморником⁵⁴ (*berchenistr*, искажённое д.-а. *būrcniht*?) из списка гэмпширских *taini regis*, где мы находим и имя Эадрик на о. Уайт⁵⁵. Другим кандидатом мог быть *tainus regis* Эадрик из Уилтшира⁵⁶. Следует, впрочем, иметь в виду, что точное отождествление тэзок в Книге Страшного суда часто невозможно. Так, идентификации этих шестерых Дэвидом Бейтсом и Э. Уильямс не во всех случаях совпадают (Bates 1999. P. 976–977; Williams 1995. P. 115–116)⁵⁷. *PASE Domesday*, самая подробная из имеющихся к настоящему времени просопографических баз данных по Книге Страшного суда, и вовсе разводит Колу Охотника и двух сомерсетских и девонширских тэнов⁵⁸, гэмпширского Сэвульфа отца Эль(ф)вига и сомерсетского Сэвульфа⁵⁹, Эль(ф)сиге из Хэтч Уоррен и Эль(ф)сиге Коморника⁶⁰, а также отделяет *tainus regis* Эадрика на о. Уайт от гэмпширского тэзки⁶¹, и от сразу двух Эадриков из уилтширских *taini regis*⁶². Как

⁵⁰ GDB fols. 96d, 102b.

⁵¹ Alwig 11.

⁵² GDB fols. 49d, 73c, 50a–b; 44c; 89a, 95a, 96c. Ещё один *tainus regis* по имени Сэвульф известен в Уилтшире (GDB fol. 74a; Sæwulf 32).

⁵³ GDB fol. 49c.

⁵⁴ Alsige 4.

⁵⁵ GDB fols. 49d, 50c–d; 53c–d.

⁵⁶ GDB fol. 74a.

⁵⁷ Подробнее о проблемах идентификации индивидов в Книге Страшного суда см.: Dogson, Palmer 1992. P. vii–xi. Методология обхода этих затруднений, применявшаяся в *PASE Domesday*, представлена в: Baxter, Lewis 2017. P. 347 ff.

⁵⁸ Cola 21, Cola 14.

⁵⁹ Sæwulf 2, Sæwulf 25.

⁶⁰ Alsige 38, Alsige 4.

⁶¹ Eadric 115, Eadric 18.

⁶² Eadric 131, Eadric 132. Видимо, разведение основано на заметном расстоянии между их владениями, а также присутствии прозвища «Слепой» во втором случае и отсутствии такового в первом.

бы то ни было, почти для всех тэнов Вильгельма из грамоты Bates 339 находятся потенциальные кандидаты из *taini regis*.

Для Норфолка и Саффолка отдельные перечни *taini regis* в конце разделов отсутствуют, как нет такового, например, и для Эссекса. Между тем, во всех трёх графствах присутствуют как отдельные поименованные *taini regis Edwardi*⁶³, так и *taini regis* без указания имени Эдуарда⁶⁴, а также *taini* без привязки к монарху⁶⁵. Следует ли отождествлять эти группы, игнорируя пропуски *regis (Edwardi)*, – вопрос неоднозначный. Очевидно, что в каких-то случаях упоминание «короля» и/или «короля Эдуарда» оставалось на усмотрение переписчика⁶⁶. В «оглавлении» фолио Нортгемптоншира раздел LX озаглавлен «Вильгельм и другие тэны» (*Will[elmu]s 7 alli taini*), хотя за одним исключением подобные списки обычно включают уточнение «короля» (*regis*); в аналогичном «оглавлении» Ноттингемшира раздел XXX называется «Тэны короля» (*taini regis*), но в основном тексте он помечен как «Земля тэнов» (*terra tainorum*), а в Стаффордшире, наоборот, в оглавлении значатся «Кенвин и другие тэны» (*Chenuin 7 alii taini*), но в основном тексте – «Земля тэнов короля» (*terra tainorum regis*)⁶⁷. С другой стороны, 24 из этих 73 восточноанглийских индивидов не очень подходят на роль министериалов, поскольку владели каждый более, чем 10 карукатами (земли большинства министериалов обычно скромнее), а некоторые, как Эадрик из Лэксфилда, Вульфвине *antecessor* Обри де Вера, Ульф сын Манни Чёрного или Сивард из Мэлдона, владели десятками фискальных единиц

⁶³ Норфолк: 3 индивида; Саффолк: 11 индивидов; Эссекс: 7 индивидов (LDB fols. 130a, 203a, 226a; fol. 299a, 338b, 348a, 349b, 377b, 394a, 402b, 416b, 418a, 425a, 427a, 430b; fol. 12a, 20b, 26a, 42a [×2] 44b, 72b). Здесь и далее перечни тэнов почерпнуты из: Foу 1992. P. 234 (s.v. «thane»), а все идентификации следуют за *PASE Domesday*.

⁶⁴ Норфолк: 1 индивид; Саффолк: 3 индивида; Эссекс: 7 индивидов (LDB fols. 228b; fol. 296a, 394b, 411b; 27a, 43a (×3), 49a, 49b, 52b, 72a).

⁶⁵ Норфолк: 14 индивидов (1 также повторно назван тэнов в Саффолке); Саффолк: 22 индивида (1 также повторно назван тэнов в Норфолке, 1 – в Эссексе); Эссекс: 5 индивидов (1 также повторно назван тэнов в Саффолке) (LDB fols. 150a, 152d, 178a, 180a, 204a, 208a, 229d, 246d, 250a, 258a, 259b, 260a–d, 264d, 267b [×2]; 292b, 298b, 299a, 302b, 303a, 333a, 349a, b, c, 350d, 353a, 354d, 379b, d, 398d, 406a, 408a, 414a, 416a, 417a, 420d, 425b, 427b, 429a, 436d, 437a; 15a, 22b, 26d, 53b, c, 57d). В эти перечни не входят владевшие здесь землями индивиды, эксплицитно названные тэнами в других графствах.

⁶⁶ Leofwine 320 и Siward 3. Их число можно расширить, включив индивидов из-за пределов трёх рассматриваемых графств: Alweard 89, Burgheard 6, Burgræd 4, Ingvar 2, Ketil 40, Leofwine 247, Oswulf 40, Thorir 4, Thorkil 15, Toki 11, Ulf 44. При условии неточности отождествлений *PASE Domesday* к ним можно добавить Сэвульфа и Колу из примеров выше.

⁶⁷ GDB fols. 219b; 280d, 292c; 246a, 250d.

(Эадрик почти полутора сотнями)⁶⁸. Учитывая, что материалы переписи этих трёх графств сильно отличаются от прочих, образуя т. н. Малую Книгу Страшного суда (об отличиях см.: Baxter 2017. P. 286–288 ff), можно предположить, что верхушка этой группы могла быть тэнами-«вассалами» Эдуарда, т. е. *ministri*⁶⁹, а остальные могли быть теми же министерскими, просто не вынесенными отдельным списком. Не исключен (и даже вероятен) и какой-то третий вариант.

Впрочем, при привлечении Книги Страшного суда для решения подобных терминологических задач должно учитывать крайне путанную социальную терминологию этого источника. Как установил в 1947 г. Карл Стивенсон, для проведения описи в 1086 г. Англия была поделена на семь округов, что отразилось, например, в различиях в формулах, на основании которых и были определены эти округа (Baxter 2017. P. 244). Соотношение *ministri* из жалованных грамот, *þegnas* из указных и *taini (regis [Edwardi])* из Книги Страшного суда остаётся, вероятно, без универсального ответа, видимо, в силу особенностей процедур сбора и работы с исходной информацией, не укладывавшейся в единую схему. Например, Э. Уильямс допускает, что в северных графствах (округ VI, куда также входит Хантингдоншир) *taini* были составлены из новых лиц после восстаний 1069–1070 гг., в отличие от *taini* на юге. Но и внутри одного округа можно встретить массу непоследовательностей в социальной классификации *taini regis*. Округ II описан не только Большой Книгой Страшного суда, но и т. н. Эксетерской Книгой Страшного суда, сохранившей дополнительные данные – их подача писцами обоих соответствующих источников показывает, что они могли заносить одних и те же индивидов в разные категории и давать им разные названия (Williams 1995. P. 112–115). Даже систематизация внутри одного графства вызывает вопросы. Так, только в Глостершире и Хартфордшире зафиксированы и списки *taini regis* в конце, и значительное количество отдельных *taini regis Edwardi* в основном тексте⁷⁰. Эти группы явно разные, поскольку индивиды в них не пересекаются

⁶⁸ Подробное обсуждение паттернов землевладения в Восточной Англии по материалам Книги Страшного суда представлено в: Wareham 2005. P. 125–138.

⁶⁹ Отсутствие пожалований им само по себе не является противоречием к такой идентификации. Помимо меньшего числа здесь монастырей-архивов в правление Эдуарда Исповедника раздачи земель королем практически прекратились (см. ниже), но *ministri* по-прежнему подписывают грамоты. По меньшей мере четыре имени местных *taini regis Edwardi* встречаются и в королевских грамотах (Wareham 2005. P. 131, п. 36).

⁷⁰ GDB fols. 170c–d; fol.164a, 164b, 165b, 167d (×2), 168a (×2); fol. 142b–c; fol. 133c (×2), 135a, 136c, 137c, 137d, 138a (×2), 138b, 138d, 139a (×2), 139a (×2), 139b, 139c, 140c (×2), 140d, 141b (×2), 141c, 142a, 142b (×3).

(за одним исключением), и *taini regis* владели землями на 1086 г., а *taini regis Edwardi* (кроме двух случаев) – на 1066 г. Единственное упомянутое исключение – Эалвине из Хорна, владевший пятью имениями из хартфордширского списка *taini regis* и там же (а ещё в Бедфордшире и Мидлсексе) эксплицитно помеченный как *tainus regis Edwardi*⁷¹.

Таким образом, хотя присутствие тэнов в адресных формулах указных грамот на первый взгляд и предполагает массовые потери жалованных грамот, полисемичный характер лексемы *begn* к 1066 г. и свидетельства Книги Страшного суда могут предложить и другие объяснения. Помимо своих «вассалов»-*ministri*, получивших из их рук земельные владения, короли могли обращаться либо к политическим сообществам графств (понимая их как «своих подданных»), составленным из местной верхушки, либо, что не менее вероятно, к своим министериялам⁷² – либо же можно предполагать, что «вассалы»-*ministri* Эдуарда (массово) не держали от него земель (ср. примеч. 69). Какое бы объяснение (или их сочетание) в конечном счёте ни оказалось верным, очевидно, что на 1066 г. в Йоркшире, Ноттингемшире, Саффолке и Норфолке существовали какие-то индивиды, обозначавшиеся тэнами.

Аргументы Уормальда, однако, парировать сложно. Напротив, они находят своё документальное подтверждение в 17 случаях, когда то или иное имение известно и из жалованной грамоты на имя мирянина, и из его же позднейшего завещания⁷³ (хотя в каких-то случаях дата последнего, очевидно, определяется только по первому). Кроме того, как минимум в трёх завещаниях некоторые поместья напрямую названы

⁷¹ GDB fols. 215c, 128d.

⁷² В данном случае мы оставляем будущим исследователям вопрос о соотношении этих групп и значений д.-а. *begn*. Представляется возможным, что приложение политической и социальной элитой локальных сообществ к себе самообозначения «тэны» могло быть как следствием прямого влияния языка королевской канцелярии, регулярно обращавшейся к ней через посредство указных грамот, так и результатом культурного мимесиса – скорее всего, оба процесса были взаимообусловлены.

⁷³ В дополнение к рассмотренным Уормальдом (см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 114, примеч. 191) укажем еще: S 737, 738 (966 г.) и 1484 (966×975 гг.); S 794, 794a (974 г.) и 1487 (975×1016 гг.); S 878, 879 (996 г.), 886 (995 г.), 901 (1002 г.) и 1536 (1002×1004 гг.); S 483 (942 г.) и 1526 (942 × ок. 951 гг.); скорее всего, S 865 (987 г.) и 1505 (после 987 г.); S 379 (921 вместо 933 г.), 416 (931 г.) и 1533 (видимо, 933×939 гг.); S 585 (956 г.) и 1485 (968×971 гг.); S 890 (997 г.) и 1492 (1008×1012 гг.); S 441 (938 г.) и 1512 (970×981/984 гг.). В этот список также входит S 153 (798 г.) (Wormald 2014. P. 224). Также можно вспомнить 42 случая из завещания Вульфрика Спота, когда земли, не известные по прежним грамотам, были позже подтверждены королём (S 906, ср. примеч. 35). Из него же известны ещё несколько поместий, на которые имелись более ранние грамоты, перешедшие ему, видимо, по наследству и вложенные им в Бёртон (S 602, 628 [956 г.], 479 [942 г.], 576 [948 г.], 554 и 557 [951 г.]).

боклендом⁷⁴, а в S 1539 (931/933×939 гг.) имение в Эббесборне описано именно так, как описывается бокленд в грамотах⁷⁵.

Имеет, как кажется, смысл взглянуть на прочие имения, известные и по завещаниям, и по королевским пожалованиям, и постараться проследить их судьбу (Прил. 2, табл. 3). В рамках ещё одной «нулевой гипотезы» можно предположить, что сохранность жалованной грамоты определялась тем, было ли имение вложено по завещанию в церковь или нет: если светские бенефициары того или иного наследодателя не отличались такой же христианской заботой о душе, их правоустанавливающие документы и не должны были сохраниться.

Из 524 описанных в завещаниях имений 101 также упомянуто в королевских грамотах 871–1066 гг.⁷⁶, порой в нескольких сразу, при этом 77 в конечном счёте предназначались церкви (иногда после прижизненного владения мирянином-наследником). Следует учесть, что имения отождествляются исходя только из совпадения географических названий, так что реальное их число может быть и меньшим (например, если имелись в виду разные хозяйственные комплексы в одной локации). История имений часто поддаётся реконструкции. Если не считать уникального завещания Вульфрика Спота (см. примеч. 73), область пересечения сужается со 101 до 54 единиц, из которых церковь напрямую получила 34. Далее, по

⁷⁴ «Я наиболее охотно завещаю наследство и бокленд [нижеперечисленным]... И я даю моему сыну Этельвальду три гайды бокленда... И я даю моему родичу Берхтсиге одну гайду бокленда...» (...*ic mines erfes 7 mines boclondes seolest onn... Ond ic sello Eðelwalde minum sunu .iii. hida boclondes... On\ d/ ic sello Berhtsige minum mege án hide boclondes*; S 1508); «Во-первых, я завещаю моему старшему сыну Эдуарду землю в *Strætneat* в *Triconscir* и Хартланд и все бокленды, которые держит Леофхеах... И все те бокленды, которыми я владею в Кенте, и в нижнем Хёрстбёрне и Чиселдоне, нужно отдать Винчестеру на тех же условиях, которые сообщил мой отец... И я желаю, чтобы люди [мужчины?], которым я завещал мои бокленды, не отдавали его за пределы моей семьи после смерти» (*Ærest ic an Eadwearde minum ylðran suna þæs landes æt Strætneat on Triconscire 7 Heortigtunes 7 þa bocland ealle þe Leofheah hylt... 7 ealle þa bocland þe ic on Cent hæbbe. 7 æt þam nuðeran Hysseburnan 7 æt Cyseldene agyfe man into Wintanceastre on þa gerad þe hit min fæder ær gecwæð... 7 ic wylle þa menn þe ic mine bocland becweden hæbbe þæt hy hit ne asyllan of minum cynne ofer heora dæg*; S 1507); «Далее я завещаю моей матери земли в Эмсбери и Уонтадже и Бэсинге и все мои бокленды, которыми я владею в Сассексе и Саррее и Кенте и все те, которые она имела прежде» (*Þænne an ic minre meder þæs landes æt Ambresbirig 7 æt Waneting 7 æt Basingum, 7 ealra minra boclanda þe ic <on> Sudeseaxum hæbbe 7 on Sudrigum 7 on Cent, 7 ealra þæra þe hio ær hæfde*; S 1515).

⁷⁵ «И она завещает своей дочери Этельфлед... и всю землю в Эббесборне и грамоту в вечное наследство, чтобы она распоряжалась им, как ей будет наиболее угодно» (*7 hio becwið Eðelflæde hyre dehter 7 þæt land æt Ebbelesburnan 7 þa boc on ece yrfe to ateonne swa hyre leofosð sy*).

⁷⁶ За исключением S 11 (690 г.) и 45 (692 г.). Число совпадений может быть и большим за счёт более ранних грамот, в прочих случаях здесь не учитывавшихся.

меньшей мере в 33 случаях из 54 королевское пожалование предшествует завещанию⁷⁷ (т. е. априори было боклендом), из них 15⁷⁸ – случаи завещания мирянином прежде им же полученного королевского пожалования (см. примеч. 73), при этом в 11 случаях одним из конечных получателей выступала та или иная духовная корпорация, в 9 случаях также сохранившая и соответствующую жалованную грамоту. В оставшихся 4 (из 15) случаях миряне завещали землю либо (будущему) королю (S 1484, 1485), либо архиепископу (S 1500). В 8 случаях из 54 жалованная грамота оказалась в архиве той общины, которая выступала наследником в завещании, даже если изначальный бенефициар королевского пожалования и дальнейший наследодатель не совпадают. Ещё в 6 примерах грамота, выпущенная после завещания, также оказалась в архиве той церкви, которая получала это поместье из рук наследодателя (ср. с завещанием Вульфрика Спота). Девять имений получили миряне из семьи короля Альфреда, причём 6 позже оказались в руках духовных корпораций, которые и сохранили соответствующие жалованные грамоты в свою пользу, – процесс смены владельца здесь известен только в трёх случаях, когда получателем и дателем был Эдуард Старший. Имение Таунтон (Сомерсет) несколько раз меняло владельца в цепочке S 371–1491–806–818–825, но в конечном счёте перешло к Винчестеру, видимо, вместе с грамотами. Согласно S 1491 (955×958 гг.), Кингс-Уорти (Гэмпшир) перешёл к наследодателю (винчестерскому епископу) от отца и был им передан своим родственникам, но в S 818 и 819 (963×975 гг.) король Эдгар его «вернул» Винчестеру, где и отложились эти два документа. Имение Комптон (Сомерсет) было отдано винчестерской епархией, где и сохранилась грамота S 373, королю и позже попало в завещание S 1538, видимо, будучи перепожалованным. В цепочке S 492–1504–766 понятно, что жалованные грамоты оказались в Уилтоне, потому, видимо, что монастырь оказался последним получателем, хотя первым бенефициаром был тэн (*minister*). Два родственника выступают в цепочке S 525–1504, в которой один брат получил ту же землю от короля Эадреда, что ему завещал второй (видимо, пожалование подтверждало завещание), жалованная грамота оказалась в Абингдоне, видимо, потому, что позже это имение король Эдгар пожаловал аббату Этельвольду, S 714 (963 г.). Неизвестно, почему жалованная грамота на владение Фарли (Кент), S 350 (898 г.), оказалась в Кентербери – видимо, она попала сюда вместе с завещанием S 1508 (871×899 гг.), хотя какие имущественные права на Фарли в тот момент имела братия, – не ясно. Анало-

⁷⁷ В завещании Вульфрика Спота их ещё шесть.

⁷⁸ А также ещё двух (S 878 и 879) в исключённом из рассмотрения завещании Вульфрика Спота.

гичная ситуация и с именем Бэсинг (Гэмпшир) из пары S 505–1515 и Винчестером.

Обобщая, в 33 из 54 случаев мы точно знаем, что наследуемое имущество было боклендом, в почти половине ситуаций полученным непосредственно наследодателем. Также видно, что жалованные грамоты на имения из завещаний в 61% ситуаций сохранились, если получателем в какой-то момент оказывался монастырь или церковь. Это верно в 23 случаях из 34, когда духовная организация была наследником, и в 10 случаях, когда первоначальным наследником был мирянин, но позже земля стала собственностью братии. Но одновременно с этим в 11 случаях церковная община не сохранила жалованной грамоты, получив имение только по завещанию, и ещё в 9 случаях грамоты на унаследованные мирянами имения в какой-то момент попали в те архивы, чьи общины, насколько мы знаем, не были бенефициаром ни по одному документу.

Представляется очень вероятным, что бокленд, как и заключил Уормальд, действительно завещался и наследовался, не будучи (жёстко) ограничен рамками обычая. Но данные, приведенные выше, кажутся всё же слишком амбивалентными, чтобы однозначно подтвердить «нулевую гипотезу» и делать вывод, что обязательно *все* земли в завещаниях на *всей* территории Англии на протяжении *всего* периода были боклендами. Возможно, эксплицитное обозначение лишь каких-то владений как боклендов, причём лишь в трёх уэссекских завещаниях (из них два – королевские), не случайно, а каким-то образом выделяло именно их из общей массы, хотя, конечно, это может быть и просто особенностью языка документов, в котором *land*, *ierfe* и *bōcland* (и другие лексемы) могли быть равнозначны. Возможно также, что аббатство Бёртон именно потому и добивалось королевского подтверждения больше половины земель, завещанных ему патроном и основателем, Вульффриком Спотом, что они не были «землями по грамоте» (или не все были таковыми) и, следовательно, были менее надёжной собственностью (ср. примеч. 35), – впрочем, это не более чем догадка. Можно было бы предполагать, что архивисты Бери-Сент-Эдмундс по каким-то неизвестным причинам предпочитали хранить именно завещания (и указные грамоты) для подтверждения своих имущественных прав, а не королевские жалованные грамоты. Но из известных по завещаниям Бери-Сент-Эдмундс 63 имений, завещанных в пользу общин, где имелись архивы, община-наследник сохранила жалованную грамоту только в трёх цепочках: S 703–1486–1494, S 939–1501 и S 513–1494⁷⁹. Подобная избирательность выглядит странной на фоне того,

---

⁷⁹ Мы затрудняемся объяснить, как первоначальное пожалование в Саутери (Норфолк) лондонскому епископу Теодреду от короля Эдмунда (S 483) оказалось не в хра-

что в остальном 31 случае из 54 имения в пользу аналогичных бенефициаров описаны также и жалованными грамотами – если вкладываемая в церковь земля всегда была боклендом, почему монастыри скорее хранили доставшиеся им вместе с завещаниями королевские грамоты почти исключительно из «большого Уэссекса», а из-за его границ – почти никогда?

Из прочих источников хорошо известно, что королевские жалованные грамоты как правоустанавливающих документы ценились на протяжении большей части англо-саксонского периода, в том числе, судя по деятельности аббатства Или, описанной в «Книжице епископа Этельвольда», и в Восточной Англии (Keynes 2013. P. 63–64; Insley 2013b. P. 350). В этой ситуации малые шансы древнеанглийского документа сохраниться после Нормандского завоевания объясняют, почему для абсолютного большинства поместий, известных из жалованных грамот в пользу мирян и, как предполагают историки, почти всегда попадавших в архивы в силу имущественного интереса соответствующей церковной корпорации, не сохранилось завещаний. Если они существовали, их ценность должна была быть в глазах позднейших клириков меньшей, чем у соответствующей королевской грамоты (BACS VII. P. cxxxii). Нельзя ли предположить, что завещание занимало место правоустанавливающего документа тогда, когда земля не была боклендом и, следовательно, не была предметом ни одной предшествующей жалованной грамоты? С. Кейнс делает именно такое допущение, объясняя выдающуюся представленность указных грамот в архивах Вестминстера и Бери-Сент-Эдмундс, двух аббатств под непосредственным патронатом короля Эдуарда Исповедника – возможно, монаршее покровительство осуществлялось в обход традиционной практики пожалований (Keynes 1980 [2005]. P. 144), что совпало также с постепенным закатом института жалованной грамоты в целом (см. с. 227–233). Джейк Стэттел, анализируя судебник III Atr 991 г., направленный на центральное Денло (т. н. «Пять Бургов»), постулировал, что среди прочего это законодательство должно было ограждать права землевладельцев, державших свои имения без королевской грамоты (Stattel 2022), – видимо, потому что короли не располагали здесь ни собственными ресурсами, ни достаточным авторитетом для перераспределения ресурсов чужих владений. О том, что реформированные монастыри в Денло не обязательно формировали свой фонд из боклендов, может свидетельствовать уникальный документ, S 1448a (ок. 983×985 гг.?). Это список поручителей в земельных сделках аббатства Питерборо. Сьюзен Келли допускает, что потребность в нём могла возникнуть ввиду очере-

---

нилище собора св. Павла, как предполагает его завещание (S 1526), а досталось вместе с последним Бери-Сент-Эдмундс.

ного передела земель после смерти короля Эдгара, поскольку в списке нет никаких намёков, что стороны обменивались какими-либо документами, включая королевские грамоты (VACS XIV. P. 335). Короче говоря, тезис о том, что бокленд был единственным более или менее свободно передаваемым типом земельного имущества, особенно в поздний период, наталкивается на ряд примеров, свидетельствующих о более сложной экономической и юридической реальности (см. также с. 231–233). Наличие большого числа завещаний (и других документов на древнеанглийском языке) в Бери-Сент-Эдмундс действительно может быть следствием какой-то конкретной локальной архивной практики (Tollerton 2011. P. 17; Lowe 2021), но сама она скорее подтверждает тезис Дж. Молиню и Э. Уильямс. Если братия стремилась обзавестись документами на свои приобретения, наблюдаемый перекоп в пользу указных грамот и завещаний как предпочитаемых правоустанавливающих документов можно объяснить либо в целом безразличием к королевским актам – что плохо сочетается с прочими известными нам данными, – либо отсутствием таковых, что вместе с другими доводами выглядит предпочтительным объяснением.

Возможные косвенные контраргументы. Дополнительными аргументами в пользу такой трактовки мы полагаем следующие:

1. Из 18 завещаний Бери-Сент-Эдмундс 11 составлены после 1020 г., когда наблюдается снижение количества жалованных грамот (см. с. 226–227). Тогда же был основан и сам монастырь, хотя культ св. Эдмунда в Западном Саффолке существовал на этом месте и раньше (Lowe 2021. P. 440–441). Этот процесс падения начинается уже в 970-е гг., к каковому периоду могут относиться ещё пять завещаний. Данное обстоятельство не учтено Дж. Молиню и П. Уормальдом.

2. Из 17 наследодателей в завещаниях Бери-Сент-Эдмундс лишь трое известны из подписей свидетелей в королевских грамотах: двое епископов и один элдормен⁸⁰. Впрочем, ещё в двух случаях (S 1494 и 1486) наследодателями выступают две дочери упомянутого элдормена: одна⁸¹ стала второй женой короля Эдмунда, вторая⁸² вышла замуж за эссекского элдормена Бюрхтнота, погибшего в 991 г. в битве с викингами при Мэлдоне. Ещё три завещания (S 1525, 1525a, 1521) были составлены двумя други-

---

⁸⁰ Theodred 3, занимал пост епископа Лондона и Восточной Англии в период ок. 909×926–951×953 гг.; Æthelmæg 35, занимал пост епископа Восточной Англии в 1047–1070 гг.; Ælfgar 9, занимал пост элдормена Эссекса в ок. 945–951 гг. (о нём: Wareham 2005. P. 47–53). Здесь и далее все идентификации личных имён из грамот выполнены по просопографической базе PASE; цифры после имён – идентификаторы из этой же базы.

⁸¹ Æthelflæd 14 (о ней: Ibid. P. 53–56).

⁸² Ælfflæd 13 (о ней: Ibid. P. 56–59).

ми женщинами⁸³, а те вообще редкие гости на королевских собраниях. Для остальных же индивидов, насколько нам известно, непосредственная связь с королём обнаруживается только в трёх случаях⁸⁴, хотя наследодатели в завещаниях из других архивов почти всегда так или иначе проходят в списках свидетелей жалованных грамот (то же верно и для многих бенефициаров последних). В похожем направлении указывают и браки английских государей исследуемого периода: из 13 известных королевских браков после 871 г. лишь три были заключены с представительницами аристократии за пределами «большого Уэссекса»⁸⁵.

3. Судя по известным местам проведения уитенагемотов (Lavelle 2007. P. 51–53; Roach 2013. P. 239–243; Keynes 2013. P. 140–157; Baxter, Lewis 2017. P. 390, диаграм. 11; Золотарёв 2005. С. 105; Карта 10), государи позднего англо-саксонского периода почти никогда не покидали территории «большого Уэссекса»⁸⁶. Конечно, можно возразить, что места проведения королевских собраний зачастую известны из самих же грамот, но против свидетельствуют и иные источники о местах собраний. Кроме того, как уже сказано выше, дошедшие списки свидетелей выглядят в достаточной степени последовательными, что означает нашу хоро-

⁸³ Sifflæd 1 и Leofgifu 2.

⁸⁴ Наследодатели в S 1531 (1043×1045 гг.), 1537 (1022×1034 гг.) и S 1489 (1023×1038 гг.) называют своим господином короля, при том жалованных грамот на жалуемые ими имения по-прежнему нет. Наследодатель из S 1531, Thurstan 9, был правнуком элдромена Бюрхтнота, но, как отец и дед, не занимал королевских постов (Ibid. P. 74–75). Был ли он при этом королевским тэном, как пишет Э. Уорхем, доподлинно не известно.

⁸⁵ Ealhswith 1 (жена короля Альфреда) происходила от мерсийского элдромена; две жены Эдуарда Старшего – Ælflæd 10 и Eadgifu 4 – были дочерьми уэссекских элдроменов (происхождение ещё одной жены Эдуарда и матери Этельстана, сведения о которой сообщают только источники после Нормандского завоевания, туманно); Ælfgifu 3 (первая жена короля Эдмунда) была вероятной дочерью Wynflæd 1, наследодательницы в S 1539, распоряжавшейся землями в Гэмпшире, Сомерсете, Дорсете и Уилтшире; Æthelflæd 14 (вторая жена Эдмунда) была дочерью элдромена Эссекса (см. примеч. 81); Ælfgifu 2 (жена короля Эдви) могла быть тем же лицом, что и Ælfgifu 4, т. е. наследодательницей в S 1484 и вероятной сестрой хрониста Этельверда, родственника уэссекской королевской семьи; первая жена (или наложница) короля Эдгара, Этельфлед, известна только из позднейших источников, делающих её монахиней в аббатстве Уилтон, возможно, из хартфордширской семьи; две другие его супруги – Wulftryth 6 и Ælftryth 8 – происходили из уэссекских родов; Ælfgifu 16 (первая жена короля Этельреда) была дочерью нортумбрийского эрла, а Emma 2 (вторая жена Этельреда и после Кнута) – нормандского герцога; Ælfgifu 1 (первая жена или наложница короля Кнута, она же – Альвива скандинавских источников), происходила из Нортхемптона; Eadgyth 3 (жена короля Эдуарда Исповедника) была дочерью эрла Годвине.

⁸⁶ Их прочие перемещения по стране также ограничены в основном той же территорией (Hill 1981. P. 84, 87–94, карты 147, 154–158, 160–169). Например, Дж. Молиньо нашёл лишь пять случаев, когда уэссекский монарх направлялся к северу от р. Тис и Риббл: в 927, 934, 945, 946×955 и 1031 гг. (Molyneux 2015. P. 52–53). Передвижения Этельстана обсуждаются в: Foot 2011. P. 77–91.

шую информированность о составе уитенагемотов. Э. Уильямс показывает, например, что в Кенте, где в большом количестве сохранились и королевские грамоты, и грамоты иных документальных типов, с конца X в. между списками свидетелей в них наблюдается значительное пересечение, позволяющее довольно подробно восстанавливать состав местной элиты (Williams 2008. P. 38–61). Поэтому гипотетический аргумент «адвоката дьявола», что в силу возможной пропажи большого массива королевских актов мы не осведомлены ни об уитенагемотах, ни о присутствии на них магнатов из Восточной Англии, приближается к, строго говоря, порочному кругу доказательств.

4. Раздачи боклендов довольно близко совпадают с этой территорией. Оба факта во многом могут объясняться географией королевских поместий и ресурсов. Так, Дж. Молиньо, цитируя Джона Грасси (Grassi 2002) и «Атлас» Джона Хилла (Hill 1981. P. 101, карта 179), отмечает, что, согласно Книге Страшного суда, король Эдуард Исповедник практически не располагал владениями в графствах Чешир, Эссекс, Хартфордшир, Лестершир и Линкольншир (Molyneux 2015. P. 52, p. 19).

Для проверки предположения о связи между географией королевских ресурсов и боклендами мы обратились к статистическим методам, а именно, допустив, что соотношение их значений – линейное, вычислили коэффициент корреляции Пирсона и построили ряд линейных регрессий. Все расчёты производились с помощью стандартного функционала статистической программы SPSS (*Statistical Package for the Social Sciences*, «статистический пакет для общественных наук»), автоматически рассчитывающей коэффициент корреляции Пирсона, угловой коэффициент, статистическую значимость, F-статистику и пр. и являющейся одним из наиболее распространённых цифровых инструментов при работе со статистическими исследованиями в общественных науках⁸⁷.

Единицами сравнения выступали графства, при этом показания по историческим графствам Ратленд и Ланкашир были объединены с Линкольнширом и Чеширом соответственно. Такое методологическое решение было обусловлено незавершенностью формирования этих графств к 1086 г. и особенностями учёта их данных в Книге Страшного суда. Розданные земли были исчислены как в фискальных единицах, так и в количестве отдельных имений (т. е. все связи были рассчитаны дважды). При том, что в грамотах одно и то же имение могло несколько

---

⁸⁷ По решению редколлегии в итоговый текст статьи вошли не все технические детали. Автор готов ответить на любые вопросы в личной переписке, а также предоставить исходные наборы данных для дополнительных исследований (см. контактную информацию в конце статьи).

раз менять владельцев, мы удаляли из корпуса такие дубликаты и учитывали максимальную фискальную оценку. Связи раздач боклендов искали с тремя независимыми группами переменных: королевские ресурсы (на 1066 г.), население (на 1086 г.) и экономика (на 1086 г.) (их перечень содержится в Табл. 1). Для второй и третьей групп источником послужил фундаментальный труд Генри Дарби (Darby 1977. P. 336–345, app. 1–3). Для первой группы мы предпочли подсчётам Хилла и Грасси таблицы из *PASE Domesday*, предлагаемые по поиску «Edward 15». Этот выбор был продиктован двумя обстоятельствами. Во-первых, презентация исходных подсчётов Хиллом далека от методологической прозрачности: отсутствует сводная таблица, имеется только карта, к ней приложена неполная легенда. Сама карта вызывает вопросы. Автор наносил на неё сведения из Книги Страшного суда о домене в поместьях короля Эдуарда, исчисленном в фискальных единицах (гайдах и аналогах). Однако для графств из округа II фискальная оценка зачастую отсутствует, но Хилл обозначает там очень крупные владения – очевидно, имел место перевод денежных доходов короля Эдуарда, но по какой методике – не указано. По этой же причине единицами измерения королевских ресурсов нам пришлось выбрать не фискальную, а именно денежную оценку⁸⁸. Это также несколько опосредует любую обнаруженную связь, потому что, строго говоря, королевский доход складывался не только из эксплуатации земли (например, Грасси разводит разные типы доходов короля Эдуарда). Во-вторых, не умаляя достижений Грасси, по совокупности причин *PASE Domesday* полагается нами более точным обобщением сведений о землевладении индивидов в Книге Страшного суда.

Следует также оговорить, что по двум причинам полученные результаты можно экстраполировать на материалы грамот за 871–1066 гг. лишь с серьёзными допущениями. Первая: в то время как грамоты предлагают динамичную картину, Книга Страшного суда даёт статичную, к тому же составленную только в 1086 г. Вторая: исследователям хорошо известно, что данные Книги Страшного суда содержат пропуски, не всегда полны и фиксировались отнюдь не исключительно последовательно (ср. выше, с. 200).

---

⁸⁸ Речь идёт о параметре *valet/valuit* (букв. «стоит/стоило»). Что конкретно стоит за ним – предмет историографической дискуссии (обзор истории исследования Книги Страшного суда, включая разные трактовки этого параметра, см.: Baxter 2017; ср.: Grassi 2002. P. 254–257 ff.). Мы принимали интерпретацию, предложенную Стивенем Бэкстером и Чарльзом Льюисом, а именно, что под «стоимостью» имения понимался совокупный годовой доход его владельца (Baxter, Lewis 2017. P. 364–365).

Полученным нами результатам (с. 215–219) для более объективного анализа предшествовала проверка возможности искажения сведений о королевских ресурсах особенностями проведения описи в каждом из семи округов. Среднее (умеренное) значение коэффициента корреляции Пирсона (0,375⁸⁹ при уровне статистической значимости 5%⁹⁰) было обнаружено только для округа I; в остальных случаях значение слабое. Из этого мы осторожно заключаем, что фиксация королевских ресурсов не зависела от команды переписчиков. Иначе говоря, географическое распределение королевских доходов не совпадало с нарезкой округов в 1085 г. В дальнейшем переменная «округ» нами не учитывалась.

Далее был поставлен вопрос о связи между королевскими ресурсами и экономическим и демографическим развитием графств при учёте их площади (Табл. 1), поскольку можно заведомо ожидать, что королевский доход напрямую зависел от материальных условий развития того или иного графства. Развитие оценивалось по следующим показателям: общая численность населения, количество поселений, количество городов, количество пахотных упряжек, общая фискальная оценка и общая денежная оценка/доходность (*valet*; см. примеч. 88), как они представлены у Дарби.

Табл. 1 обобщает рассчитанные машинным способом значения коэффициента корреляции Пирсона по этим параметрам. Из неё следует, что доходы короля Эдуарда сильнее всего связаны с общей денежной оценкой графства (0,592). Та же сильно коррелирует с численностью населения (0,747), количеством пахотных упряжек (0,727) и количеством городов (0,622), но последние два также скоррелированы с королевскими ресурсами (0,416 и 0,372 соответственно, при статистической значимости <1%, кроме последнего, статистическая значимость кото-

⁸⁹ Коэффициент корреляции Пирсона может принимать значения от -1 до $+1$. Если значение по модулю находится ближе к 1 , то это означает наличие сильной связи, а если ближе к 0 – связь слабая или вообще отсутствует. Чем ближе наблюдаемые на диаграмме точки к линии регрессии, тем ближе значение коэффициента корреляции Пирсона к 1 . Значения коэффициента корреляции Пирсона по модулю от 0 до $0,33$ обычно считаются слабой корреляцией, от $0,33$ до $0,66$ – средней (умеренной) корреляцией, от $0,66$ до 1 – сильной (выраженной) корреляцией.

⁹⁰ Статистическая значимость – параметр, который позволяет оценить вероятность получения случайной величины для изучаемой вероятностной модели в числовом выражении (p -значение). В нашем случае чем меньше p , тем меньше вероятность случайности полученного значения коэффициента корреляции Пирсона, т. е. тем выше статистическая значимость (например, если $p=0,001$, то случайность полученного значения коэффициента корреляции Пирсона обусловлена на $0,1\%$). Стандартными уровнями p принято считать значения 1% , 5% и 10% . Если значение p превышает 10% , связь между переменными считается статистически незначимой.

рого 5%). Денежная оценка графства слабее скоррелирована с фискальной оценкой, чем с королевскими доходами (0,347 при статистической значимости 5%). При этом фискальная оценка графства сильно коррелирует с его площадью (0,846 при статистической значимости <1%), а денежная оценка графства – нет (полученное значение коэффициента корреляции Пирсона 0,221 оказалось статистически незначимым). Прочие экономические параметры, а также демография и площадь так или иначе коррелируют между собой, что укладывается в рамки ожидаемого.

	<i>ден. оцен. кор. рес- ов</i>	<i>общ. числ. насел.</i>	<i>кол-во посел.</i>	<i>кол-во гор-ов</i>	<i>площадь (кв. мили)</i>	<i>общ. ден. оцен. граф.</i>	<i>общ. фиск. оцен. граф.</i>	<i>пахот. упряж.</i>
<i>ден. оцен. кор. рес-ов</i>	1	0,262	0,085	0,362**	0,083	0,588***	0,230	0,416**
<i>общ. числ. насел.</i>		1	0,486***	0,459***	0,471***	0,747***	0,332	0,837***
<i>кол-во по- сел.</i>			1	0,384**	0,943***	0,221	0,802***	0,476***
<i>кол-во гор- ов</i>				1	0,360**	0,622***	0,459***	0,570***
<i>площадь (кв. мили)</i>					1	0,203	0,846***	0,441**
<i>общ. ден. оцен. граф.</i>						1	0,347**	0,727***
<i>общ. фиск. оцен. граф.</i>							1	0,344
<i>пахот. упряж.</i>								1

N (число наблюдений = графства)

33

** уровень статистической значимости 5%

*** уровень статистической значимости 1%

(числа без звёздочек статистически незначимы)

Таблица 1. Значения коэффициента корреляции Пирсона для королевских ресурсов (£) в Книге Страшного Суда и экономических параметров

Для проверки предположения, что общая денежная оценка графства не складывалась из королевских ресурсов, а была скорее обусловлена экономическими параметрами – в таком случае мы бы могли ожи-

дать наличие линейных связей, – нами была построена следующая модель линейной регрессии⁹¹:

денежная оценка графства = β_1 численность населения + β_2 количество поселений + β_3 количество городов + β_4 общая фискальная оценка + β_5 количество пахотных упряжек + ε

– где $\beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4, \beta_5$ – угловые коэффициенты (градиенты линии регрессии); ε – случайные ошибки модели (разница между наблюдаемыми и предсказываемыми значениями денежной оценки графств).

Модель оказалась удовлетворительной (коэффициент её линейной детерминации⁹² 0,795, значимость регрессионной модели, или F-статистика⁹³, равна 20,95 при критическом уровне 5,75 и статистической значимости <1%⁹⁴). Была выявлена линейная зависимость суммарной денежной оценки графства от общей численности населения (угловой коэффициент 0,146) и от фискальной оценки того же графства (угловой коэффициент 0,394; оба показателя при статистической значимости <1%). При этом денежная оценка сильно зависит от количества городов (угловой коэффициент 148,632 при статистической значимости <5%), а связь с количеством поселений отрицательная (угловой коэффициент –2,776 при статистической значимости <1%). Иными словами, при гипотетическом увеличении численности населения графства на 100 чело-

⁹¹ Параметр площади был исключён из модели в силу высокого коэффициента корреляции Пирсона с количеством поселений (0,943 при статистической значимости <1%) (Табл. 1), т. е. они дублируют друг друга.

⁹² Коэффициент линейной детерминации (R^2) является общей мерой качества уравнения регрессии: он может принимать значения от 0 до 1, чем он ближе к 1, тем больше случаев объясняет модель (например, если $R^2=0,5$, модель объясняет 50% вариативности наблюдений). Формального теста для оценки R^2 не существует, поэтому исследователи полагаются на собственное субъективное суждение при оценке качества регрессионной модели, но чем выше R^2 , тем модель убедительнее. В простейшей (парной) линейной регрессии коэффициент линейной детерминации равен квадрату коэффициента корреляции Пирсона.

⁹³ Значимостью регрессионной модели называют степень статистической связи между её входной и выходной переменными. При её оценке используют F-статистику – статистический критерий, тестовая статистика которого при выполнении нулевой гипотезы (в случае линейной регрессии – о равенстве нулю всех коэффициентов в факторах предлагаемой модели) имеет распределение Фишера (F-распределение). Очевидно, что чем ближе рассчитанное значение F к 1, тем больше у нас оснований сделать заключение о справедливости приведённой выше нулевой гипотезы. И наоборот – чем больше это значение, тем больше имеется оснований отклонить нулевую гипотезу о равенстве дисперсий. При значении F-статистики больше критического уровня статистической значимости нулевая гипотеза отвергается (т. е. модель линейной регрессии является значимой).

⁹⁴ При работе с линейными регрессиями при оценке углового коэффициента также учитывается уровень статистической значимости.

век, учтённых в Книге Страшного суда, денежная оценка того же графства увеличится на £14,6, а при гипотетическом увеличении фискальной оценки графства на 100 единиц его денежная оценка вырастет на £39,4 (при сохранении остальных параметров без изменений). При неизменности прочих параметров модели гипотетическое добавление одного города увеличивает доходность графства почти на £150, но, напротив, каждое новое (негородское) поселение снижает совокупную доходность графства на примерно £2,8 (также при сохранении прочих параметров без изменений). Не вдаваясь в подробности английской экономики XI в., мы предполагаем, что такое неочевидное положение дел может быть связано с необходимостью реализации сельскохозяйственной продукции на городском рынке. Включение королевских ресурсов в перечень независимых переменных несколько улучшило качество модели ($R^2=0,845$, значимость регрессионной модели 23,639 при критическом уровне 5,38 и том же уровне статистической значимости). Угловой коэффициент для фискальной оценки понизился до 0,300 (при статистической значимости <5%), при этом линейная связь с количеством городов потеряла статистическую значимость, но не пропала для количества поселений (угловой коэффициент $-2,221$ при статистической значимости <1%) и численности населения (угловой коэффициент 0,159 при статистической значимости <1%). Угловой коэффициент для королевских ресурсов оказался равным 1,815 (при уровне статистической значимости <1%), т. е. в данной модели увеличение королевских доходов в графстве на £1 должно увеличивать суммарную денежную оценку того же графства на чуть больше чем £1,8.

Обобщая, королевские ресурсы являются самым значимым фактором для общей доходности графства, но при этом объясняют лишь 34,6% вариативности этой доходности ($R^2=0,588^2=0,346$), в то время как все прочие экономические факторы каждый по отдельности меньше определяют совокупный доход графства, но взятые вместе объясняют больший процент вариативности доходности графства ($R^2=0,845-0,346=0,499$, т. е. 49,9%). Отсутствие связи между фискальной оценкой графства и королевскими ресурсами должно объясняться тем, что королевские имения не платили (*here*)*geld*, привязанный к фискальному расчёту в гайдах (или её аналогах).

Регрессионные модели сами по себе не позволяют определить направление причинно-следственных зависимостей. Из них лишь следует наличие связи между экономическим потенциалом графства и извлечением королём Эдуардом из него дохода, что вполне закономерно. Однако нам кажется возможным отвергнуть предположение, высказанное выше, и заключить, что география королевских ресурсов Эдуар-

да Исповедника определялась не только материальными условиями. Главным аргументом в пользу этого мы полагаем карту распределения этих ресурсов. Как пишут Ч. Льюис и С. Бэкстер, на 1066 г. король Эдуард был самым богатым англичанином, в его руках были сосредоточены почти 12% всего богатства страны (£8230) (Baxter, Lewis 2017. P. 368, table 9). Но, хотя монарх получал доходы в каждом графстве, их концентрация выражено тяготеет к югу и частично центру страны: почти 66% (£5453) приходились только на десять графств – (в порядке убывания) Уилтшир, Оксфордшир, Беркшир, Сомерсет, Кент, Сассекс, Дорсет, Нортгемптоншир и Гэмпшир. Следующая пара графств, Чешир и Ланкашир (£277), идут с заметным отрывом. На эти же десять графств приходится и 74% розданных гайд, согласно (вероятно) подлинным жалованным грамотам 871–1066 гг. (Табл. 2). Иное ранжирование последних отчасти объясняется географией архивов при наличии выраженной связи между ними и известными боклендами (см. выше), отчасти же – доминированием Олд-Минстера и Абингдона. Показательно, что этот паттерн довольно близко совпадает с географией известных уитенагемотов (Прил. 1, Карта 10). Помимо непосредственного владения землями король Эдуард также выступал господином для хозяев других имений (параметр «Lord 1066» в *PASE Domesday*)⁹⁵. Заметно, что эти отношения были распространены асимметрично относительно собственных прав Эдуарда: 70% доходов земель, где он являлся господином, расположены в Гэмпшире (£1095), Кенте (£989), Сассексе (£894), Беркшире (£771), Саррее (£585) и Бедфордшире (£474), – но и они также тяготеют к юго-востоку страны, остальная же часть почти полностью приходится на округа III и VII, т. е. Восточный Мидлендс и Восточную Англию. Суммируя, можно констатировать, что, даже по прошествии более ста лет после политического объединения страны (954 г., подчинение Йоркского королевства) и «интерлюдии» при датской династии, экономическое и, если можно так выразиться, «социальное» присутствие короля Эдуарда было наиболее полным частично в историческом, частично в «большом Уэссексе» и на наиболее рано (к 918 г.) отвоёванных территориях Денло.

---

⁹⁵ На 1066 г. выделяются три типа «(феодалного) господства» (*lordship*): по коммандации (т. е. когда стороны связывали только личные патрон-клиентские отношения); по аренде (т. е. когда нижестоящая сторона держала земли от вышестоящей на оговоренных условиях); и по *socn* (т. е. когда нижестоящая сторона была обязана традиционными поставками и натуральными отработками вышестоящей) (Baxter 2009. P. 391–393 ff.). Эти типы связи могли сочетаться друг с другом семью способами. *PASE Domesday* не разделяет их.

<i>графство</i>	<i>доход кор. Эдуарда (£)</i>	<i>кол-во розд. гайд по жал. грамотам</i>
Уилтшир	704,23	1014
Оксфордшир	651,8	248
Глостершир	634,46	214
Беркшир	566,65	884,5
Сомерсет	522,85	475,5
Кент	508,08	166
Сассекс	502,6	116
Дорсет	472,05	338
Нортгемптоншир	466,3	68,5
Гэмпшир	424,36	1118

Таблица 2. Сосредоточение ресурсов короля Эдуарда Исповедника в 1066 г. и раздач земель по жалованным грамотам в 871–1066 гг.

После проведенной предварительной проверки детерминированности королевских ресурсов географией и равномерности последней мы вернулись к первоначальной задаче поиска связи между этой географией и раздачей земель, реконструируемой по грамотам.

	<i>ден. оцен. кор. рес-в</i>	<i>кол-во пожал. имений</i>	<i>кол-во пожал. фиск. ед.</i>
<i>ден. оцен. кор. рес-в</i>	1	0,625***	0,717***
<i>кол-во пожал. имений</i>		1	0,917***
<i>кол-во пожал. фиск. ед.</i>			1

N (число наблюдений = графства)

33

*** уровень статистической значимости 1%

Таблица 3. Значения коэффициента корреляции Пирсона для королевских ресурсов (£) в Книге Страшного Суда и земельных раздач в грамотах

Значения коэффициента корреляции Пирсона (Табл. 3) оказались высокими. Можно заведомо предполагать, что раздачи земель были напрямую обусловлены концентрацией королевских ресурсов. Построенная нами модель оказалась более удовлетворительной для зависимости количества розданных фискальных единиц от королевских ресурсов, чем для зависимости розданных имений от последних. Полученные значения были: $R^2=0,514$ (т. е. модель объясняет больше половины вариативности), значимость модели регрессии 32,848 (при критическом уровне 13,2) и угловой коэффициент 0,94 (два последних показателя при уровне статистической значимости <1%, угловой коэффициент при до-

верительном интервале от 0,60 до 1,27⁹⁶). Иначе говоря, мы наблюдаем прямую пропорциональность практически на уровне 1:1, т. е. гипотетическое увеличение числа королевских доходов на £100 в том или ином графстве увеличивает число розданных фискальных единиц на 94. Для розданных имений показатели были: $R^2=0,391$, значимость модели регрессии 19,898 (при том же критическом уровне: 13,2) и угловой коэффициент 0,062, уровень статистической значимости для двух последних тот же, т. е. увеличение королевских доходов в том или ином графстве на £100 предполагает лишь 6 новых розданных имений.

Подводя промежуточный итог, можно объяснить 51,4% вариативности географии имеющихся пожалований (в фискальном выражении) в первую очередь распределением королевских ресурсов, как и предполагал Дж. Молинию. В свою очередь, распределение королевских ресурсов, как показала предварительная проверка, было связано с (но не обусловлено одним лишь) экономическим и демографическим развитием графств.

При, казалось бы, столь очевидной причинно-следственной связи между розданными фискальными единицами и королевскими ресурсами объяснительную силу получаемых моделей не следует преувеличивать. Причина, по которой они описывают не более примерно половины вариативности наблюдений, как кажется, может хотя бы отчасти крыться в неполноте исходных данных. Как уже сказано выше, документальное покрытие Денло – заведомо менее полное в силу меньшей плотности архивов здесь и их сравнительно позднего возникновения, в то время как Книга Страшного суда фиксирует положение дел на всей территории страны безотносительно центров «документальной гравитации». Позволим предположить, что при большем числе грамот для «датской» Англии показатели R^2 могли бы быть выше, а с ними – и объяснительная сила моделей.

---

⁹⁶ Доверительный интервал – это предельные значения статистической величины, которая с заданной доверительной вероятностью будет находиться в данном интервале в больших выборках. Если доверительная вероятность велика (обычно выбирается значение, близкое к единице – от 0,95 до 0,99), то доверительный интервал почти наверняка содержит истинное значение параметра. В данном случае – углового коэффициента; его близкое к единице значение (0,94), включённое в доверительный интервал, говорит о прямой пропорциональности в модели.

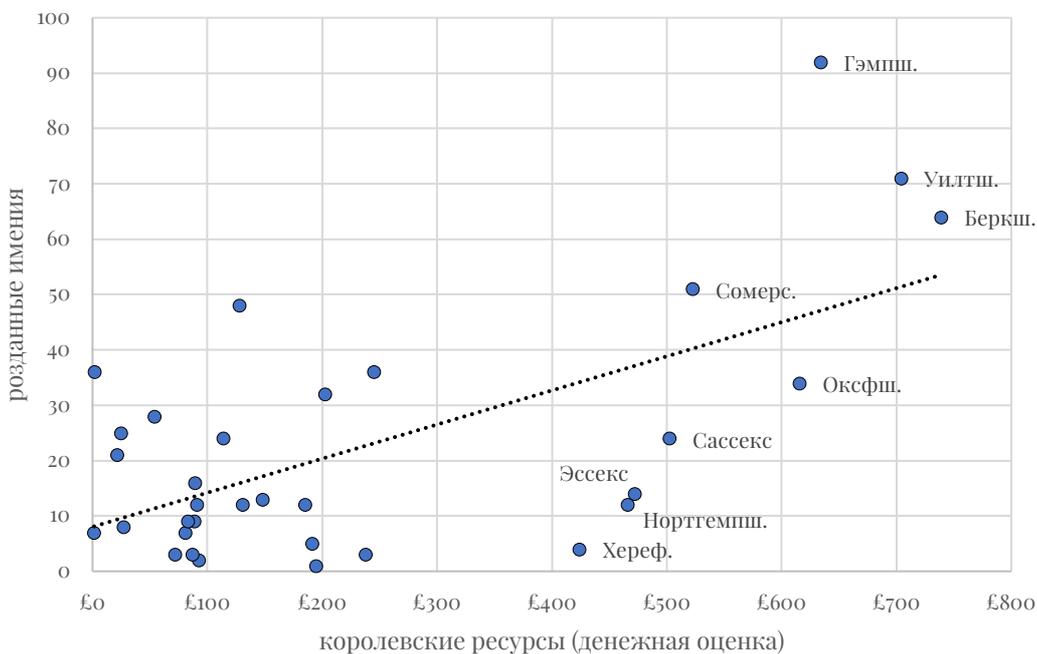

Рис. 1. Зависимость количества розданных имений от королевских ресурсов

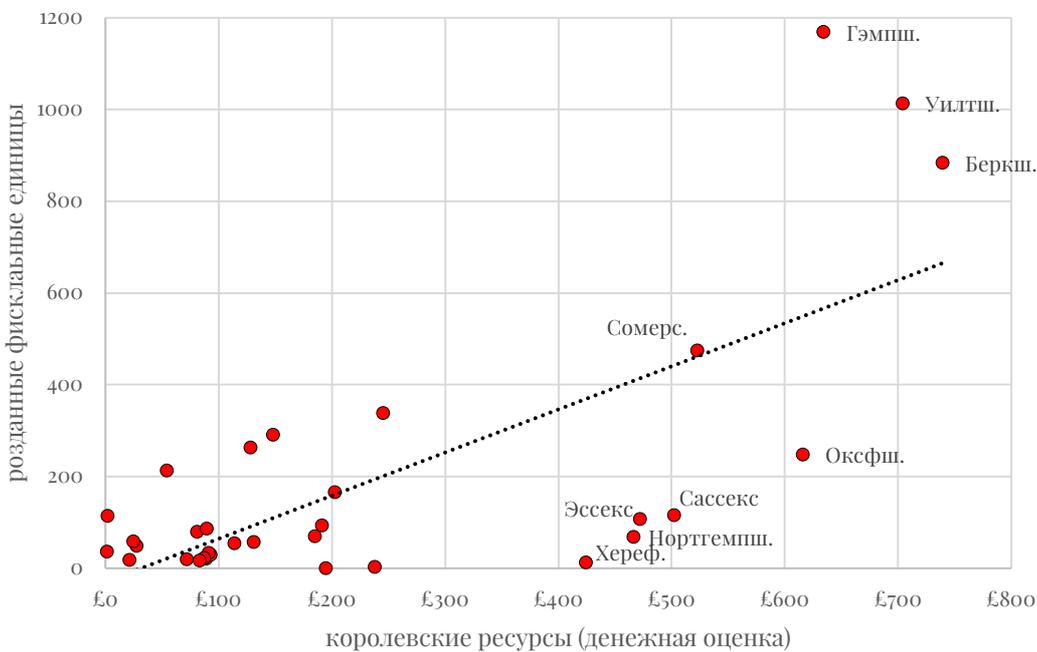

Рис. 2. Зависимость количества розданных фискальных единиц от королевских ресурсов

При построении точечных диаграмм (Рис. 1–2) для тех же регрессионных моделей заметно, что графства распадаются на три группы:

сильно отклоняются Беркшир, Гэмпшир и Уилтшир (особенно сильно на Рис. 2); Оксфордшир, Эссекс, Сассекс, Нортгемптоншир и Херефордшир необычны тем, что для них известно относительно немного пожалований, но относительно много королевских ресурсов; все прочие графства группируются в нижней левой четверти точечных диаграмм. Особняком стоит Сомерсет, почти идеально вписывающийся в регрессионную модель в обоих вариантах, особенно во втором.

Положение пяти графств во второй группе ниже линии регрессии можно объяснить их сравнительно близким расположением к изначальной вотчине династии Альфреда, но (по разным причинам) скудостью их архивов на королевские жалованные грамоты и малым количеством самих этих архивов (по одному в каждом кроме Оксфордшира, при этом в архиве Херефорда вообще нет ни одного пожалования). Из них Оксфордшир и Сассекс ближе к линии тренда (особенно на Рис. 1) – первый за счёт расположенного рядом Абингдона, второй – за счёт епископского архива в Селси. Наблюдаемое отклонение Беркшира, Уилтшира и Гэмпшира в первой группе должно объясняться необычайно полными архивами Абингдона и Олд-Минстера, что, как уже сказано, напрямую обусловлено наличием трёх конкретных картуляриев в их собраниях. Следовательно, мы снова сталкиваемся с уже задававшимся вопросом об уникальности существования этих рукописей. В целях поиска ответа на него к уже изложенным выше соображениям была добавлена ещё одна регрессионная модель, в которой из исходных данных были удалены все грамоты из этих двух архивов (что, естественно, уменьшило количество розданных имений и фискальных единиц не только в Беркшире, Гэмпшире и Уилтшире, но и, например, в Оксфордшире). Ни по одному из показателей она не оказалась сколь-нибудь удовлетворительной. При расчёте значений коэффициента корреляции Пирсона после удаления этих данных средняя зависимость (0,441 при уровне статистической значимости 5%) вновь обнаружилась только для количества розданных фискальных единиц и королевских ресурсов. Попытка удалить из наблюдений не сами грамоты, а три выбивающиеся из общего паттерна графства также ведёт к дисфункции регрессионной модели.

При прочих равных кажется практически невероятным совпадением, чтобы олд-минстерская и абингдонские рукописи сохранились настолько удачно, что только при их включении в регрессионную модель оправдано предположение об интуитивно ожидаемой зависимости королевских раздач от королевских же ресурсов. Конечно, как уже сказано, построенные модели отнюдь не идеальны, но, если их несовершенство действительно частично объясняется сильным перекосом

документального покрытия в сторону «большого Уэссекса», в данном случае им можно пренебречь. «Бритва Оккама» заставляет думать, что, скорее всего, перед нами отражение исторически обусловленного факта исходного наличия в этих двух архивах выдающегося количества грамот, данные из которых и делают регрессионную модель вполне рабочей. Единственное случайное и странное совпадение (и невероятная удача) – в сохранении этих данных только в трёх рукописях. Мы затрудняемся объяснить, почему при этом эти два архива не лидируют по числу (вероятно) подлинных королевских жалованных грамот на отдельных листах (8 в Абингдоне, 9 в Олд-Минстере), уступая пальму первенства Кентербери и Эксетеру (21 и 15 [считая кредитонские] экземпляров соответственно). Возможно, дело в конкретных архивных традициях и/или иных обстоятельствах, потому что распределение отдельных листов по архивам сильно не совпадает с общим документальным распределением.

Мы воздержимся от утверждения, что в бокленды всегда и непременно обращались только королевские или фискальные земли⁹⁷. Но выявленные связи несколько подрывают схему Л. Роуча, в которой короли в большинстве случаев превращают в бокленд уже имевшийся в руках получателя фолкленд, не расходуя при этом коронные ресурсы, из чего историк выводит, что раздачи в том или ином регионе отражают не столько изменения в королевской политике, сколько привлекательность короля как источника власти для локальных магнатов (Roach 2013. P. 94–95). Впрочем, вновь посетуем на изначальную неполноту наших сведений, которые могли бы добавить аргументов в ту или иную пользу. Наиболее активная раздача боклендов приходится на вторую треть X в., когда в Денло ещё практически отсутствуют активные монастыри.

5. В дополнение нельзя не привести географию распределения уже упоминавшихся 29 топонимов *Buckland*, существовавших к 1086 г. (Прил. 1, Карта 10). Сложно сказать, когда и по какой причине возникло такое название, и почему из огромной массы имений в королевских жалованных грамотах лишь несколько десятков назывались буквально «боклендами». Как предполагает А. Рамбл, дело могло быть не только в типе землевладения, но и в обстоятельствах появления конкретно этих хозяйственных единиц. Как бы то ни было, почти все они сосредоточены к югу от Темзы: 1 пример в Беркшире, 1 – в Бакингемшире, 13 – в Девоншире, 2 – в Дорсете, 1 – в Глостершире, 1 – в Гэмпшире, 1 – в Харт-

---

⁹⁷ О сложности разделения этих и смежных категорий землевладения в эту эпоху см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 88–91.

фордшире, 4 – в Кенте, 1 – в Миддлсексе, 3 – в Сомерсете, 1 – в Саррее (Rumble 1987. P. 223–227).

* * *

Итак, однозначно оценить репрезентативность географического распределения имеющихся грамот по архивам крайне непросто. Едва ли предстающая перед современным исследователем картина точно передаёт действительные соотношения, поскольку на неё неизбежно влияли многочисленные непредсказуемые обстоятельства. Тем не менее при работе с корпусом «на больших величинах» и в сочетании с другими источниками имеющееся распределение представляется скорее близким к исторической реальности, чем полностью стохастическим. При сказанном следует помнить, однако, что на каждый конкретный числовой показатель действительно мог индивидуально повлиять тот или иной случайный фактор, не поддающийся реконструкции.

Хронологическая репрезентативность

В завершение мы должны затронуть и распределение жалованных грамот во времени.

Пики и провалы на диаграмме. Одного взгляда (Рис. 3–5) достаточно, чтобы отбросить предположение о неизменном производстве грамот на протяжении всего периода при понижении их шансов сохраниться по мере удаления от нашего времени. После полного исчезновения грамот Эдуарда Старшего после 909 г.⁹⁸ (и очень немногочисленных документов Этельфлед) их количество резко идёт вверх с 930-х, затем откатывается с 970-х, и с 990-х наблюдается тенденция к снижению, переломленная лишь в 1040-е, после чего (вероятно) подлинники королевские грамоты почти исчезают. Следовательно, первый и основополагающий вопрос, возникающий в связи с этим: являются ли указанные тенденции следствием объективной исторической реальности или случайной сохранности?

В публикуемой выше в настоящем выпуске (в разделе, написанном Т. В. Гимон) предложен, как кажется, прежде не использовавшийся способ ответа на него. Представив на диаграмме (с шагом в 20 лет) грамоты VII–IX вв., сгруппированные в три категории: (вероятные) подлинники на отдельных листах, (вероятные) подлинники в копиях и очевидные подделки, – Гимон обращает внимание на совпадения динамики во всех трёх. Историк предполагает, что такое совпадение

---

⁹⁸ Об этом феномене и возможных объяснениях см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 88–91.

свидетельствует против случайности сохранности (Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 71–73 и Илл. 5), с чем мы согласны. Применяв тот же метод для 899–1066 гг. с шагом в десятилетие, мы обнаружили схожую закономерность (Там же. С. 85, Илл. 6). В настоящей статье мы обсчитали эти же данные машинным способом с помощью статистических методов и в целом получили подтверждение этого чисто визуального наблюдения. При уровне статистической значимости <1% имеют место следующие значения коэффициента корреляции Пирсона: 0,595 между (вероятными) подлинниками на отдельных листах и в копиях, 0,531 между (вероятными) подлинниками в копиях и подделками и 0,412 между (вероятными) подлинниками на отдельных листах и подделками (Табл. 4).

	<i>(вероят.) подлин. копии</i>	<i>(вероят.) подлин. отдл. листы</i>	<i>подделки</i>
<i>(вероят.) подлин. копии</i>	1	0,595***	0,531***
<i>(вероят.) подлин. отдл. листы</i>		1	0,412***
<i>подделки</i>			1

N (число наблюдений = года)

168

*** уровень статистической значимости 1%

Таблица 4. Значения коэффициента корреляции Пирсона для королевских жалованных грамот 899–1066 гг.

Проще говоря, связь между числом (вероятных) подлинников, (вероятных) копий и однозначных подделок в каждое конкретное десятилетие между 899 и 1066 гг. обоснована. Это утверждение можно развить и предположить, что фальсификаты распределяются не случайно. При построении регрессионной модели при уровне статистической значимости <1% мы получили угловой коэффициент с (вероятными) подлинниками в копиях 0,153 и 0,262 – с (вероятными) подлинниками на отдельных листах при уровне статистической значимости 10%. Иными словами, увеличение числа (вероятно) подлинных копий в, предположим, 10 раз при том же количестве (вероятных) подлинников на отдельных листах в данной модели ведёт к увеличению числа подделок в примерно полтора раза, и наоборот: при сохранении числа (вероятных) подлинных копий в картуляриях при гипотетическом добавлении четырёх новых (вероятных) подлинников на отдельных листах мы ожидаем и появление одной новой подделки. Впрочем, в глаза бросается, что R^2 в этой регрессионной модели (0,296) лишь незначительно выше R^2 между числом (вероятно) подлинных копий и подделками ($0,531^2=0,282$, см.: Табл. 4). Таким образом, использование обоих показателей – коли-

чества (вероятно) подлинных копий и (вероятных) подлинников на отдельных листах – для предсказания числа подделок лишь пренебрежительно лучше объясняет вариативность по сравнению с определением зависимости подделок только от (вероятно) подлинных копий в картуляриях. Следовательно, количество (вероятно) подлинных грамот на отдельных листах почти не добавляет объяснительной силы модели, что также заметно и по более низкому уровню статистической значимости для этой независимой переменной.

Можно, однако, определить зависимость числа (вероятно) подлинных копий от числа (вероятных) подлинников на отдельных листах. Построив соответствующую регрессионную модель, мы выявили угловой коэффициент 2,991 при уровне статистической значимости <1%, что может говорить о причинно-следственной связи: в 35,4% ($R^2=0,354$) имеющейся вариативности появление (почти) трёх (вероятно) подлинных картулярных копий объясняется добавлением одного нового (вероятного) подлинника на отдельном листе.

Далее мы проверили гипотезу о возможном влиянии внешних и внутренних факторов на производство/сохранность грамот, добавив две независимые переменные: количество действующих архивов в каждый год и условный уровень внешнего давления на английское королевство. Из расчёта были удалены поддельные грамоты как потенциально искажающие картину. Введение первой независимой переменной позволяет уточнить связь числа грамот с внутренними факторами, причём поскольку выдвигалось предположение, что большее число грамот в X в. может быть связано с «бенедиктинским возрождением» и более трепетным отношением пореформенных общин к своим документам (Сушино-Хоменко, Гимон 2022. С. 84–85), мы также отдельно рассчитали значения коэффициента корреляции Пирсона с количеством реформированных монастырей по годам⁹⁹. Введение второй независимой переменной позволяет примерно оценить влияние чисто внешних факторов на количество производимых грамот – тем самым подвергается проверке предположение о ресурсных ограничениях в королевском распоряжении перед лицом внешней угрозы. Оговоримся, что проведённый анализ (особенно второй) содержит допущения. Так,

---

⁹⁹ Винчестер, Наннаминстер (после 963 г.), Нью-Минстер (963 г.) и Олд-Минстер (964 г.), Ромси (967 г.), Уэруэлл (986 г.), Хортон (ок. 970 г.), Баркинг (ок. 965 г.), Чертси (964 г.), Уинчкомб (970 г.), Холм (ок. 990 г.), Милтон (964 г.), Рамси (969 г.), Керн Аббас (987 г.), Кроуленд (948 г.), Тависток (974 г.), Першор (972 г.), Кентербери, монастырь св. Августина (978 г.) и кафедральный приорат (после 997 г.), Торни (ок. 970 г.), Мальмсбери (965–974 гг.), Этелни (960 г.), Вестминстер (ок. 960–970 гг.), Или (970 г.), Питерборо (968/972 г.), Бат (959 г.), Вустер (967–977 гг.), Гластонбери (960 г.), Абингдон (954 г.).

не очевидно, следует ли относить к реформированным общинам монастыри, основанные уже в XI в. – Бёртон (ок. 1004 г.), Эйншем (1005 г.), Бакфаст (1018 г.), Бери-Сент-Эдмунде (ок. 1020 г.), Эбботсбери (ок. 1024 г.) и Ковентри (1043 г.). Из нашего подсчёта они были исключены. Не всегда понятна и связь новых/возрождённых общин с (иногда [полу]легендарными) предшественниками. Каждый случай мы рассматривали индивидуально и сопоставляли с комментариями в литературе. Что же до внешнего давления, задача сводится к переводу изначально качественных факторов в количественные, и мы вынужденно использовали лишь условные коэффициенты, которые ввели самостоятельно. Для простоты сведения черпались из Англо-Саксонской хроники с привлечением всех её рукописей (The Anglo-Saxon Chronicle 1961): каждому внешнему фактору, несомненно оказавшему влияние на напряжение сил королевства (набег, выплата дани, строительство флота и т. д.), нами было присвоено некое число баллов, отражающее, на наш взгляд, степень указанного влияния (Табл. 5). После этого, в зависимости от насыщенности событиями, для каждого года между 871 и 1066 гг. производилось суммирование баллов и, таким образом, оценивалось внешнее давление. Подчеркнем, что, поскольку данные о событиях такого рода черпаются из нарративного источника, речь идет лишь о нашей, сугубо ориентировочной оценке, весь смысл которой – попробовать увидеть связь между динамикой выпуска грамот и событиями, приводившими к напряжению сил королевства в определенные годы. Некоторые факторы к тому же могли фиксироваться лучше других: например, хотя Англо-Саксонская хроника отмечает под 1051 г. отмену *heregeld*, этот побор мог быть возобновлён до Нормандского завоевания, а его введение в 1012 г. высчитывается только из самого сообщения об отмене (Grassi 2002. P. 253; Keynes 2014). Сравнение может быть несколько анахронично ещё и потому, что предполагает идентичность субъекта и объекта давления на протяжении почти двухсот лет, хотя очевидно, что королевство Альфреда и Этельреда (прав. 978–1016) не есть одно и то же, как отличаются и действия «большого языческого войска» и армии Свейна Вилобородого. Одним словом, любое осуществление поставленной задачи заведомо уязвимо для критики, и мы признаём известную относительность предложенных нами в Табл. 5 баллов для оценки внешнего давления, как и возможную собственную предвзятость.

<i>фактор</i>	<i>коэффициент</i>
взятие города (без битвы)	0,5
насильственная заготовка фуража	0,5
дань (£10000)	0,5
<i>heregeld</i>	1
неудачная оборона на суше	1
сбор войска	1
сбор флота	1
строительства бурга	1
кампания за пределами Англии	1
расквартировка войска в лагере	1
строительство флота	2
битва	2
набег	2
осада	2
наступательная кампания англо-саксов	2
набег викингов/опустошение	2 или 3 ¹⁰⁰
штурм/взятие города	3
серия постоянных набегов викингов	4

Таблица 5. Условные коэффициенты внешнего давления

	<i>число жал. грам.</i>	<i>внешн. давл.</i>	<i>число архи- вов</i>	<i>число реф. общин</i>
<i>число жал. грам.</i>	1	-0,159**	-0,058	-0,132
<i>внешн. давл.</i>		1	0,05	0,150**
<i>число архивов</i>			1	0,924***
<i>число реф. общин</i>				1

N (число наблюдений = года)

196

** уровень статистической значимости 5%

*** уровень статистической значимости 1%

Таблица 6. Значения коэффициента корреляции Пирсона для количества королевских грамот 871–1066 гг. (по годам) и возможных факторов сохранности/производства

¹⁰⁰ Выбор одного из этих двух вариантов зависел от конкретного литературного описания разрушительности набега в источнике и не мог сводиться к неизменной процедуре.

В результате (Табл. 6) при уровне статистической значимости 5% обнаружилась слабая отрицательная зависимость между количеством выпускаемых грамот и условным уровнем внешнего давления (коэффициент корреляции Пирсона $-0,159$). Связь с количеством одновременно действовавших потенциальных архивов отсутствует, как нет её и с увеличением числа реформированных монастырей (для каждого года указывалось совокупное количество пореформенных общин за весь предшествующий период). Выявить линейные связи между этими переменными, однако, при таких исходных данных не удалось, поскольку соответствующие регрессионные модели оказались неудовлетворительными: R^2 от 0,003 до 0,037, значимость модели регрессии от 0,651 до 5,059 при критическом уровне от 0,65 до 5,03 и уровнях статистической значимости от 42% до 2,6%. Это, скорее всего, вызвано невключением в модель каких-то иных, значимых переменных¹⁰¹. В модели, где в независимых переменных фигурировали общее число реформированных монастырей по годам и условный уровень внешнего давления, угловой коэффициент для последнего достигал тех же $-0,159$ при статистической значимости $<5\%$ (число реформированных монастырей не имело статистической значимости). Иными словами, увеличение введённого нами коэффициента внешнего давления на 6,5 условных баллов, согласно предложенной шкале, уменьшает количество сохранившихся грамот в этот год на один экземпляр. Однако эта модель объясняла только 3,7% вариативности ($R^2=0,037$), что очень мало.

Таким образом, количество (вероятно) подлинных грамот на отдельных листах, в более поздних копиях и подделках растёт и уменьшается примерно в одни и те же годы, при этом число подлинных копий в картуляриях напрямую зависит от количества подлинных отдельных листов. Строго говоря, эти корреляции сами по себе свидетельствуют не об объёмах выпуска, а о степени сохранности грамот. Но присутствие заметного числа подделок (включая отдельные листы – того же времени или позднее) за те же годы сложно объяснить иначе, кроме как стремлением фабрикаторов приписать пожалования именно тем государям и периодам, когда действительно активизировалась королевская канцелярия, что придавало фальсификату больше правдоподобия.

---

¹⁰¹ К ним можно было бы отнести, например, количество параллельных серий грамот и число ежегодных уитенагемотов. Однако введение этих переменных создало бы порочный круг, поскольку данные о них неизбежно черпаются из самих же королевских пожалований. Хотя королевские собрания независимо проверяются дополнительными источниками, можно быть уверенными, что в них попали далеко не все.

бия¹⁰². При этом напряжение сил королевства перед лицом внешней угрозы лишь незначительно влияло на эти процессы. О том, что речь идёт именно о более или менее интенсивном производстве грамот, а не о сохранности, говорит отсутствие связей между числом пожалований в каждый конкретный год и общим потенциалом к их накоплению, выраженном в количестве единомоментно действовавших архивов и ходом «бенедиктинской реформы».

Обобщая, мы должны констатировать, что имеющиеся на диаграмме (Рис. 3 и Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 85, Илл. 2) пики и падения количества имеющихся у нас англо-саксонских королевских грамот скорее объективны (хотя наверняка подверглись неизвестным нам искажениям – см. ниже), чем сформированы полностью случайными факторами сохранения и накопления документов.

XI в. – закат эпохи пожалований? Помимо исчезновения грамот второй половины правления Эдуарда Старшего наибольший интерес представляет хорошо видное на диаграммах падение количества грамот в XI в. (Рис. 3–5). В прошлом мы уже касались этой проблемы (Сухино-Хоменко 2015). Тогда мы обращали внимание на аргументацию Чарльза Инсли, что такой видимый спад может отражать изменения в «идеологической программе» новой, датской династии (1016–1042 гг.), которая не использовала всех инструментов предшествующего правящего дома. Более конкретно, Инсли полагает, что датские короли (а вслед за ними и миряне, чей «личный состав» также изменился) осуществляли патронат над церковью иными, чем их предшественники, способами (Insley 2001; ср.: Williams 2008. P. 118). На это мы отметили, что на данное обстоятельство мог наложиться ещё и фактор меньших шансов у грамоты попасть в монастырь накануне Нормандского завоевания. Это, впрочем, касается только пожалований изначально мирянам – такие имения, а вместе с ними и соответствующие грамоты, насколько нам позволяют судить источники, могли оказываться в руках духовных землевладельцев отнюдь не сразу (BACS VII. P. cxxxii; Keynes 1980 [2005]. P. 34, 40, 141)¹⁰³. Сле-

---

¹⁰² Следует вносить поправку на возможность того, что средневековые фабрикатеры также имели дело с накопившим за несколько столетий искажения корпусом и потому также исходили в своих датировках из субъективных данных о хронологическом распределении королевских пожалований. Мы выражаем признательность Г. Бауме за это наблюдение.

¹⁰³ Яркий пример того, как грамота, первоначально предназначенная мирянину, оказалась в церковном архиве после приобретения братией соответствующего имения, даёт пара S 717 и 1634 (963 г.). Второй документ представляет собой развёрнутую запись о том, как архиепископ Дунстан купил 7 гайд у некоего Ингерара вместе с грамотой (*cum libro eiusdem terre emi*). Хотя, как пишут редакторы BACS, нет доказательств, что документ не был «додуман» картуляристом XII в., в его основе явно ле-

довательно, королевские грамоты на имения, розданные незадолго до прихода нормандцев, могли просто не успеть сменить владельцев и бесследно пропасть. Имеющиеся числовые показатели, кажется, добавляют веса этому соображению: в последний раз мирянин получил бокленд в 1050 г. (S 1022). Какие-то грамоты, несмотря на факт возможного наделения землёй, также могли теоретически не успеть произвести. Известен пример, когда жалованной грамоте S 1028 с разрывом в несколько лет предшествует указная S 1105 (Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 135), т. е. какие-то пожалования Эдуарда в самом конце его правления могли просто не быть оформлены традиционным способом. Впрочем, конечно, это не более, чем предположение, да и едва ли временной зазор часто был столь длительным, поэтому даже если какие-то грамоты не дошли по этой причине, их общее количество едва ли могло бы сильно исказить картину. Следовательно, королевские грамоты на имения, розданные незадолго до прихода нормандцев, могли просто не успеть сменить владельцев и бесследно пропасть. Инсли, однако, бесспорно прав, когда отмечает сокращение выпуска грамот и пожалований и в пользу духовенства тоже (Рис. 3–4). С другой стороны, объективно снижение начинается не при Кнуде (прав. 1016–1035), а ещё при Этельреде: да, совокупно этот государь издал немало грамот, но их заметно меньше год от года по сравнению с правлениями его отца, Эдгара (прав. 957/9–975), и дяди, Эдви (прав. 955–959). Собственно, невиданная щедрость двоих последних – к церкви и мирянам соответственно – также содействует резкому контрасту в количестве документов между X и XI вв.

И тем не менее, есть ряд косвенных соображений, почему даже с таким «архивным фильтром» общее падение числа грамот в XI в. может отражать объективную историческую динамику, как предполагают результаты проведённого статистический анализа. С. Кейнз заметил, что некоторые из картуляриев, в которые были внесены многочисленные пожалования X в., за XI в. содержат лишь единицы документов: в уилтонском картулярии¹⁰⁴ – только S 1010 (1045 г.); в бёртонском основном картулярии¹⁰⁵ 34 грамоты приходятся на 925–1012 гг. и только одна позднее; в гластонберийском *Liber terrarum* – нет ничего после правления

жит подлинная сделка, потому что на обороте S 717, которой Ингерам и получил те же 7 гайд от короля Эдгара, стоит приписка, что он передал и землю, и грамоту архиепископу Дунстану (*das boc sealde Ingram mid lande Dunstane arcebiscope*). Это, безусловно, не единичный случай. К ним можно отнести, например, S 222 (883×911 гг.), 518 (946 г.), пару частных грамот S 1193 и 1651 (ок. 848 г.) (BASC IV. P. 92–93, 110) и др. Много таких случаев и среди утерянных грамот, известных из *Liber Terrarum* (BACS XV. P. 533–552).

¹⁰⁴ London, British Library, Harley 436.

¹⁰⁵ Aberystwyth, National Library of Wales, Peniarth 390.

Этельреда; в рочестерском *Textus Roffensis* – последняя грамота S 926 (1012 г.) (Keynes 1980 [2005]. P. 140–142). В той же монографии Кейнз не исключал, что у английских правителей в тот момент было просто меньше свободных земельных ресурсов для новых пожалований, или же короли лишь перераспределяли уже имевшиеся и потому не выпускали новых грамот. Первое соображение может найти своё подтверждение в совокупном количестве гайд, розданных в XI в.: оно начинает идти на убыль в 970-е после пика 940–960-х гг., затем значительно снижается в 980-е и снова несколько вырастает в 990–1000-е, но с 1011 по 1066 гг. резко падает, так что за эти полвека короли раздали в сумме лишь чуть больше, чем только за 1001–1010 гг. (Рис. 5).

Нельзя не обратить внимания также на совпадение времени упадка производства жалованных грамот и появления грамот указных. Сегодня исследователи не склонны видеть прямолинейное вытеснение одной документальной формы другой. Показательно, что из 66 жалованных грамот Эдуарда Исповедника 23 бесспорно подложные¹⁰⁶, ещё 8 могут быть основаны на достоверном материале¹⁰⁷, но в дошедшем виде не подлинны, и ещё 7 спорны¹⁰⁸. Из них особенно примечательны S 1043 и 1041, написанные в 1120–1130-е гг. вестминстерским монахом Осбертом де Клэром и, надо полагать, направленные на поддержание культа Эдуарда в этом аббатстве (Keynes 2013. P. 132–133). Следовательно, для потомков выпуск королевских жалованных грамот накануне Нормандского завоевания наравне с указными был чем-то ожидаемым, раз активно подделывались оба типа (см. подробнее: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 103–105, 132, примеч. 230). Но можно допустить, что вытеснение происходило, так сказать, на экономическом уровне: жалованные грамоты наделяли получателей очень большими привилегиями и доходами, которые к XI в. короли могли уже лучше контролировать и не желать так легко выпускать из рук (Lambert 2017. P. 342–348). Заметно также, что в XI в. королевские жалованные грамоты хоть и не приходят в упадок как объекты дипломатики, но теряют своё прежнее единообразие (см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 103–105).

¹⁰⁶ S 1016 (1046 г.), 1023 (1052 г.), 1025 (1054 г.), 1026 (1055 г.), 1029 (1060 г.), 1030 (ок. 1062 г.), 1035 (1062 г.), 1036, (1062 г.), 1037a (1065 г.), 1039 (1065 г.), 1040 (1065 г.), 1043 (1066 г.), 1045 (1042×1065 гг.), 1046 (1042×1066 гг.), 1048 (1042×1046 гг.), 1049 (1045×1050 гг.), 1051 (1042×1066 гг.), 1053 (1042×1046 гг.), 1055 (1044×1047 гг.), 1056 (1042×1066 гг.), 1057 (1044×1059 гг.), 1060 (1055×1060 гг.), 1062 (1042×1065 гг.).

¹⁰⁷ S 1000 (1043 г.), 1002 (1042 г.), 1011 (1045 г.), 1032 (1061 г.), 1038 (1065 г.), 1041 (1065 г.), 1047 (1042×1066 гг.), 1059 (1061×1066 гг.).

¹⁰⁸ S 1009 (1045 г.), 1020 (1050 г.), 1024 (1053 г.), 1042 (1065 г.), 1054 (1042×1047 гг.), 1058 (1044×1051 гг.), 1061 (1027×1035 гг.).

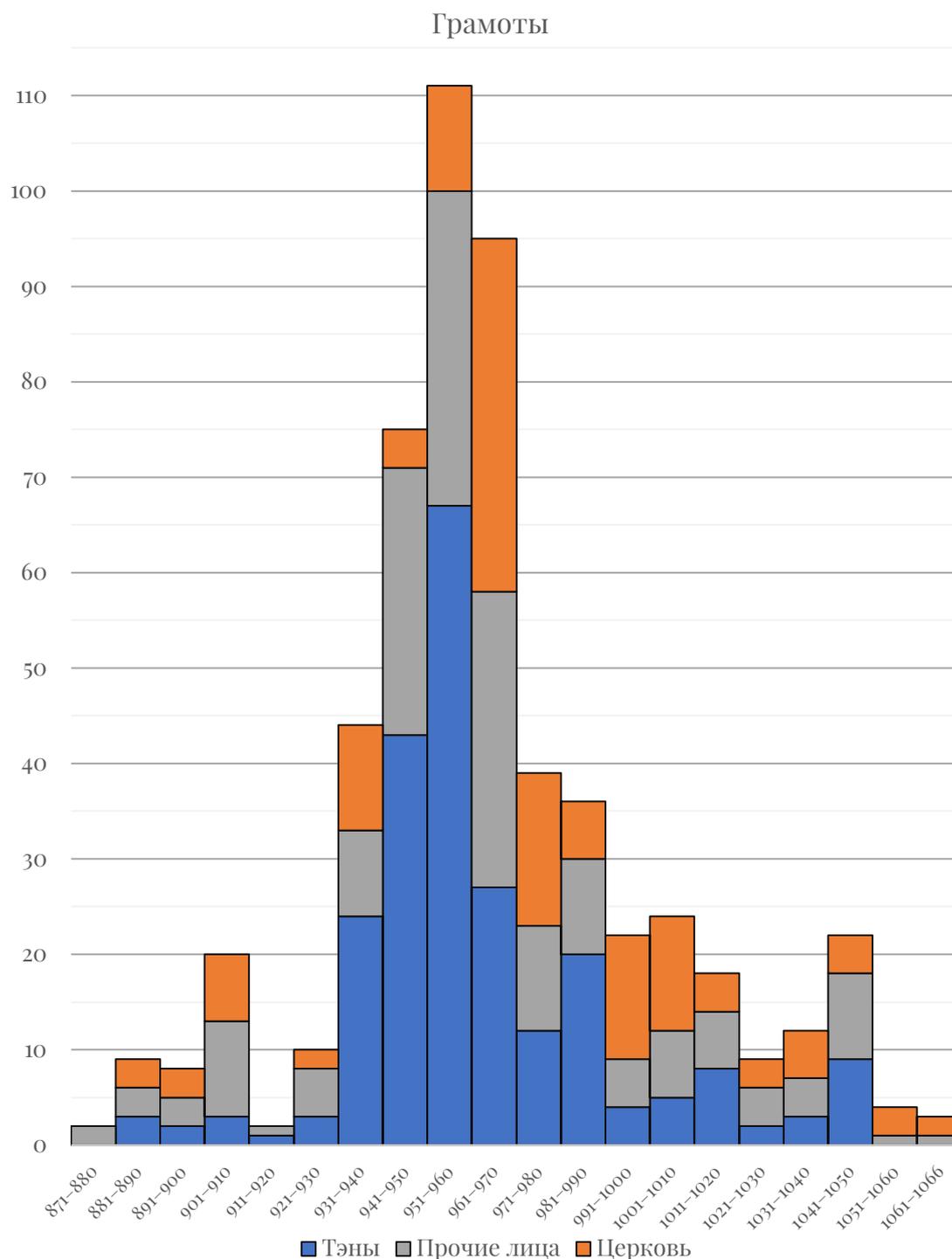

Рис. 3. Королевские грамоты 871–1066 гг.¹⁰⁹

⁹¹ Предложенная визуализация – лишь одна из возможных. Здесь и далее под «прочими лицами» понимаются и светские, и церковные индивиды. Поскольку в одной грамоте зачастую получателем выступает и церковная община, и её прелат-настоятель, такие грамоты на всех трёх диаграммах попадали и в категорию «прочие лица», и в категорию «церковь».

Индивидуальные пожалования

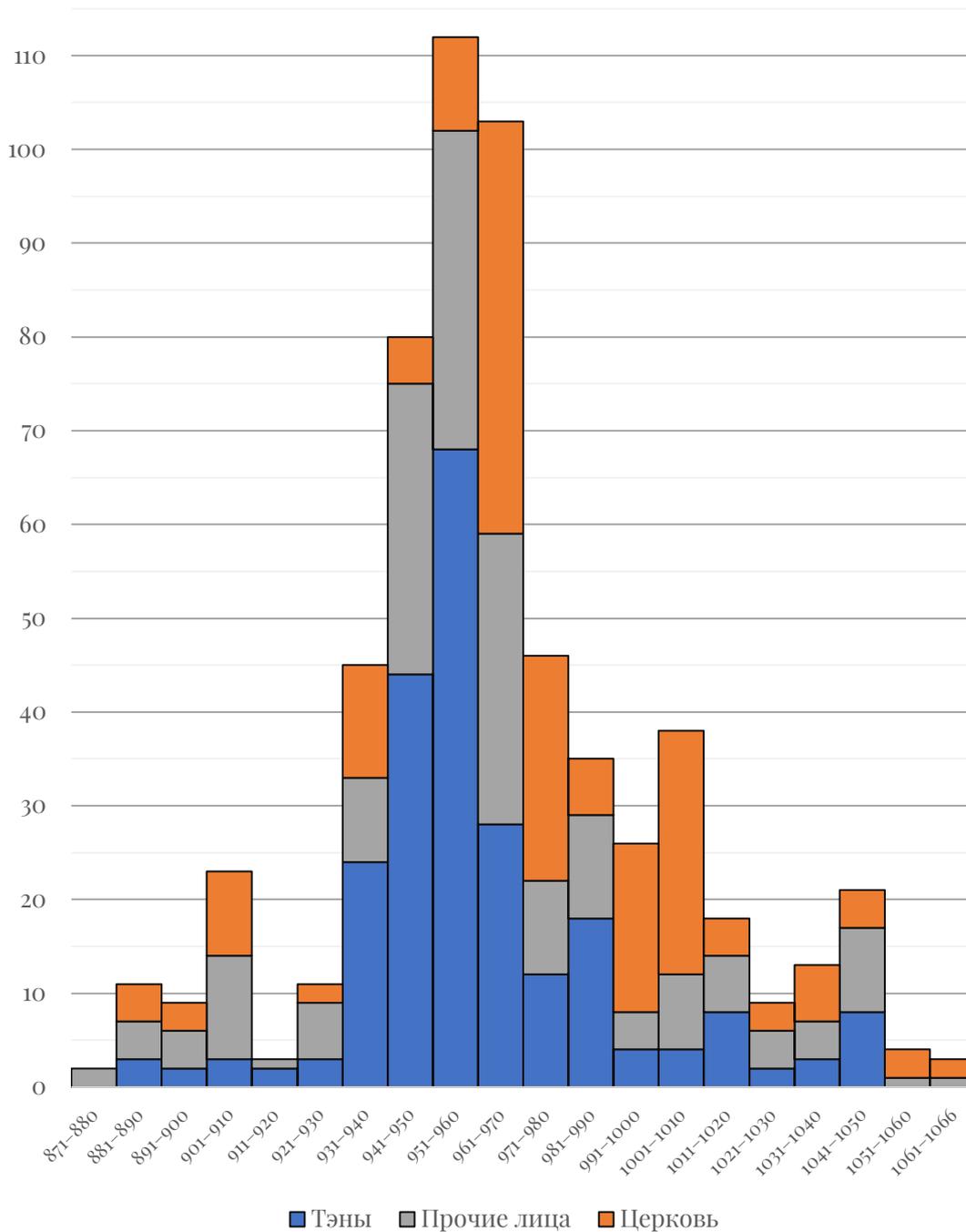

Рис. 4. Пожалования в королевских грамотах 871–1066 гг.¹¹⁰

¹¹⁰ Под «пожалованием» понимается передача земли в том или ином графстве в любом объёме – любого суммарного количества гайд и отдельных имений. Например, в S 513 (944×946 гг.) король Эдмунд передал своей жене три имения общей фискальной оценкой в 100 гайд в двух графствах (Гэмпшир и Дорсет) – на диаграмме эта грамота отражена как два пожалования в 940-е гг.

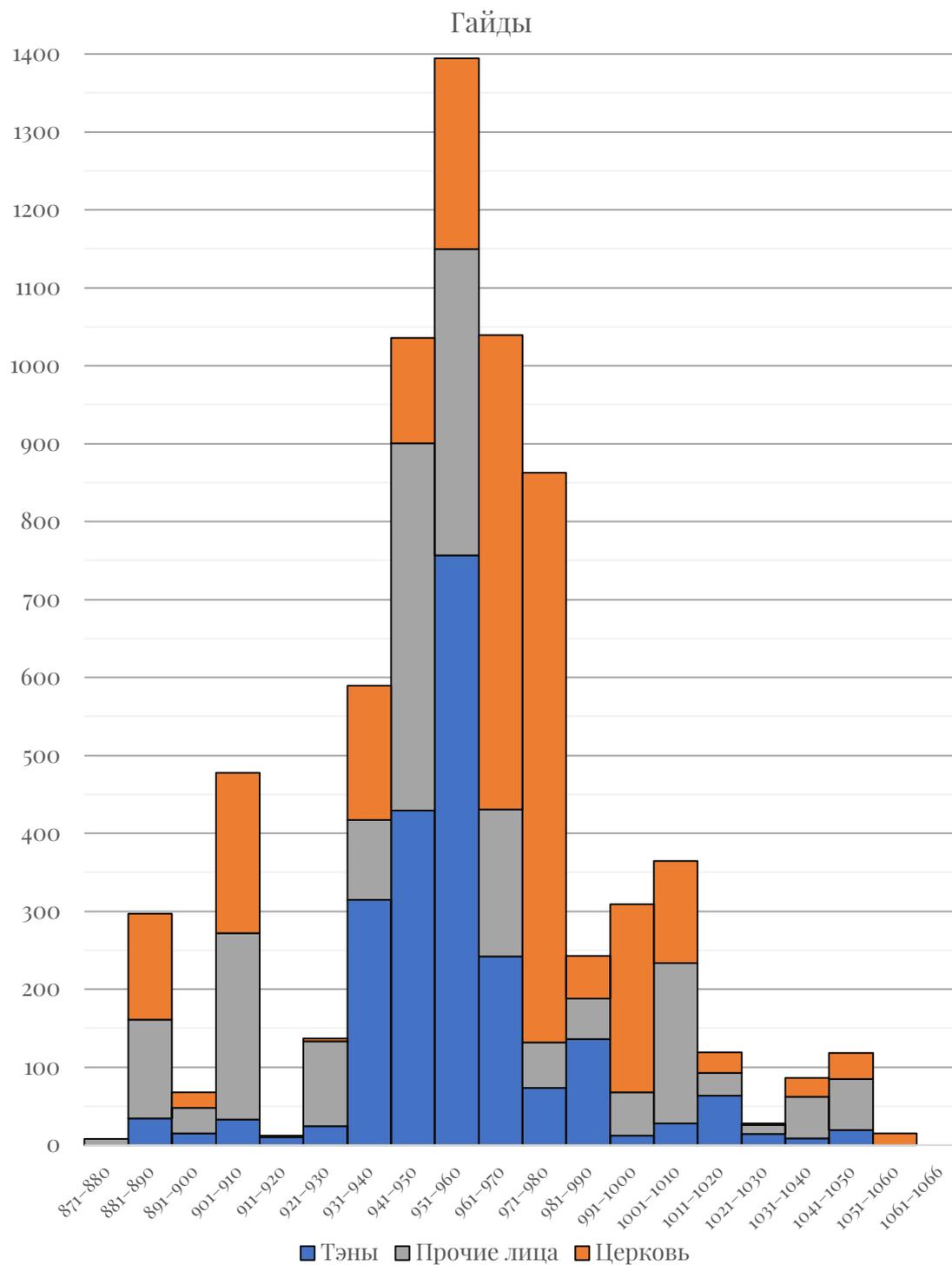

Рис. 5. Количество гайд, розданных в королевских пожалованиях 871–1066 гг.

Косвенное объяснение тенденции, видимой на диаграммах, может также следовать из изменившихся экономических реалий последних десятилетий перед Нормандским завоеванием. Историк Рори Нэйсмит, изучая сведения по земельным сделкам, пришёл к заключению, что со второй половины X в. «земельный рынок» в Англии (со всеми оговорками

в связи со словом «рынок») стал гораздо разнообразнее, так что земля покупалась и продавалась чаще и свободнее, чем прежде. Судя по «Книжице епископа Этельвольда», покупка-продажа даже преобладала над типом транзакций, известных из королевских жалованных грамот (что, кстати, косвенно подтверждает, что не обязательно все земли в завещаниях из Бери-Сент-Эдмундс были боклендом; ср. с мнениями Э. Уильямс и С. Рейнольдз выше). Возможно, смягчение или размывание ограничений на продажу или другие формы отчуждения вели к тому, что бокленд уже представлял меньший экономический интерес для получателей и оставался формой королевского покровительства именно для установления патрон-клиентских отношений (Naismith 2016. P. 35–36; Lavelle 2007. P. 104; Reynolds 1994. P. 333–334). Л. Роуч призывает не делить жёстко символические, практические и финансовые транзакции в грамотах, но сам факт вступления монарха во взаимоотношения с подданным говорил о *Königsnähe* («близости к государю»; Rollason 2018. P. 187–189) бенефициара (Roach 2013. P. 94). С этим, в частности, может также опосредованно быть связано и снижение количества гайд в пожалованиях, если те служили не столько экономическим, сколько социальным целям. Верхний слой англо-саксонской элиты накануне Нормандского завоевания мог быть просто менее заинтересован в «землях по грамоте» как способе материального обогащения. По крайней мере, для правления короля Эдуарда Исповедника можно быть уверенным в существовании иных форм экономического вознаграждения королевских людей (в первую очередь, эрлов) помимо раздач боклендов. Так, из Книги Страшного суда известно, что эрлы имели в своём распоряжении «поместья должности» (*mansiones de comitatu*), которые служили к материальному обеспечению эрла как должностного лица. Другим источником дохода эрла был «третий пенни» (т. е. право на треть от дохода). Время его появления достоверно не известно (см. обсуждение: Molynaux 2015. P. 111, п. 113), но в Книге Страшного суда такой «пенни» причитался с доходов с городов и исков в судах графств. Единственное эксплицитное объяснение этого права встречается в англо-нормандском юридическом переложении англо-саксонского законодательства, *Instituta Cnuti*. В нём под «третьим пенни» понимается право получать доход от штрафов за воровство и с рыночных площадей (In Cn iii. 55; видимо, речь идёт о фискальных доходах, если те не принадлежали какому-нибудь лорду на этой территории; Lambert 2017. P. 337–342). Для четырёх кланов последних англо-саксонских эрлов (семейства Годвине, Леофрика, Сиварда и Ральфа) известно всего одно королевское пожалование Эдуарда (S 1022, в пользу эрла Годвине), но именно они оказываются самыми богатыми английскими землевладельцами накануне Нормандского завоевания, согласно Книге Страшного су-

да. Существует обоснованное предположение, что их благосостояние во многом и зиждилось на тех самых должностных доходах (Williams 2008. P. 11–24; Baxter, Blair 2006; Baxter, Lewis 2017. P. 396). Кроме *mansiones de comitatu* по-прежнему существовали и временные арендные держания, которые также могли использоваться в рамках королевского патроната мирянам (Baxter, Blair 2006. P. 29–44).

Вновь, однако, повторимся, что без хотя бы приблизительных способов оценить количественную репрезентативность корпуса делать окончательные выводы методологически рискованно. В лучшем случае мы можем говорить о вероятных закономерностях, которые следуют из имеющейся статистики, но стоит оставлять место для сомнений в силу неизвестных нам аббераций корпуса и возможных опровержений.

Заключение

Попробуем подвести итог (с неизбежностью промежуточный).

Во-первых и в-главных, при любой работе с англо-саксонскими королевскими грамотами следует последовательно вносить поправку на факторы сохранности. В частности, в силу доказанной связи между количеством документов, имеющих касательство до той или иной территории, и количеством действовавших на ней архивов, результаты любого исследования англо-саксонского дипломатиста будут неизбежно ограничены в своём охвате. На это обстоятельство дополнительно нужно смотреть и во времени: даже если в регионе к 1066 г. действовали какие-то архивы, то или иное количество осевших в них документов может не только быть следствием объективной документальной или иной практики, но также быть обусловлено временем формирования соответствующей общины. По этой причине, например, крайне скромное известное количество боклендов в Восточной Англии в абсолютных соотношениях может быть до некоторой степени иллюзорным, поскольку здесь было меньше архивов в принципе и возникли они также позже. Равным образом, при таких исходных данных во избежание «ошибки выжившего» (англ. *survival bias*) реконструкции королевской политики – например, о союзе уэссекской олигархии с монархией в ходе экономико-юридического «освоения» отвоёванных у скандинавов территорий или, напротив, об инициативе местных магнатов к вступлению в патрон-клиентские отношения с государем (см.: Сухино-Хоменко, Гимон 2022. С. 118–119), или о том, что сосредоточение пожалований Этельстана в Уэссексе говорит о стремлении короля сохранить баланс сил в Мерсии и, видимо, невозможности передела земель в Восточной Англии и Нортумбрии (Foot 2011. P. 135) и проч. – должны сопровождаться оговорками об источниковых ограничениях.

Главное методологическое препятствие на пути у окончательных ответов о географической репрезентативности – не просто неравномерное рассредоточение архивов, но и их концентрация в значительной степени на территории «большого Уэссекса». В этих условиях независимая проверка возможна только по Книге Страшного суда, а этот источник актуален в первую очередь для излёта англо-саксонской Англии, претерпевшей заметные изменения в последние десятилетия перед Нормандским завоеванием. Насколько династия Альфреда действительно была ограничена в своей земельной политике географией своих ресурсов – сказать непросто, поскольку последняя известна только на 1066 г., а данные о раздачах за пределами «большого Уэссекса» слишком неполны.

И всё же, во-вторых, приведенные соображения и расчёты одновременно склоняют к тому, что, после внесения поправок, корпус дошедших до нас англо-саксонских королевских жалованных грамот 871–1066 гг. может до некоторой степени всё-таки оказаться слепком с реальности, пусть и искаженным под воздействием различных, не всегда известных нам факторов. Последними, как можно думать, до какой-то степени могут объясняться резкие изменения в количестве жалованных грамот и их соотношении с количеством иных типов документов (например, то, что мы наблюдаем в таких крупных архивах, как Бери-Сент-Эдмундс, Вестминстер, Олд-Минстер и Абингдон), резкое падение числа жалованных грамот в XI в., а также неполное объяснение вариативности переменных в регрессионных моделях. Вполне возможно, что подлинное распределение королевских актов во времени на протяжении IX–XI вв. и по архивам, действовавшим на 1066 г., могло быть более равномерным, но при этом маловероятно, чтобы общие соотношения были радикально иными, нежели те, что мы объективно видим. Наиболее экономным будет предположение, что за распределением дошедших до нас грамот стоят реальные периоды интенсивного выпуска королями грамот и предпочтения королей и мирян в вопросе о том, какой церковной общине покровительствовать, а равным образом и какая-то экономическая, политическая, юридическая или иная действительность. Скорее всего, могла иметь место и обратная положительная связь: например, социальный престиж патрона мог зависеть от покровительства общинам высокого духовного авторитета, а тот, в свою очередь, мог расти вследствие покровительства со стороны мирянина высокого престижа, – хотя, конечно, не исключены и другие взаимосвязанные обстоятельства (например, особенная активность каких-то братий на условном «земельном рынке»), и не обязательно чисто хозяйственные¹¹¹. Так, не прослеживается очевидной корреляции

---

¹¹¹ См. предположение С. Кейнза, что миряне могли на время передавать церквям свои документы в целях лучшей сохранности, но после по каким-то причинам не ис-

между совокупным доходом той или иной общины на 1066 г., согласно Книге Страшного суда, и общим размером её архива (Прил. 2, табл. 1.1). Например, состояние Олд-Минстера, накопившего к моменту переписи не менее 213 документов, оценивается Дэвидом Ноулзом в £600–640, а Бери-Сент-Эдмундс с его всего лишь 51 грамотой – в аналогичные £639–655. Среди прочего, хотя, как уже сказано выше, методологически о концентрации боклендов в тех или иных графствах можно судить только на основании количества грамот, исторически более разумно всё же поменять причинно-следственные связи местами и интерпретировать заметное сосредоточение грамот в архивах только некоторых графств и их концентрацию во времени как в какой-то мере пропорциональное отражение действительного количества земельных пожалований в той или иной местности в тот или иной период. Повторимся, впрочем, что, не имея независимых способов оценить чисто количественную представительность корпуса, мы не можем исключать больших или меньших искажений в получаемой статистике – что географической, что хронологической, – особенно с учётом крайне пагубных последствий роспуска монастырей в 1536 г. для судьбы англо-саксонских документов. Вновь обратим внимание, что без некоторых необычайно полных картуляриев – *Liber Wigorniensis*, *Codex Wintoniensis*, London, British Library, Cotton Claudius C. IX и B. VI – наши представления были бы абсолютно иными. Их сохранность – необычайная удача для историков, а о том, что такие объёмистые рукописи, вопреки классику, увы, тоже могли гореть, свидетельствует *Liber terrarum*.

Историческая интерпретация полученных данных видится следующей. Для позднего англо-саксонского периода такой тип землевладения, как бокленд, был характерен в первую очередь для «саксонской» Англии («большой Уэссекс»), где он развивался непрерывно с момента своего появления в VII в. На этой территории правящая династия обладала либо достаточным фондом имений из этой категории, либо достаточным властным ресурсом, чтобы вмешиваться в местные землевладельческие практики и превращать те или иные владения в «земли по грамоте» (не важно, по чьей инициативе – собственной или бенефициара), что могло находить своё отражение, например, в подтверждении королями частных сделок (см. завещание Вульфрика Спота). Эта же

требовать их назад (или не смочь этого сделать). Эту идею критикует Сьюзен Келли, указывая, что, с учётом известной роли жалованных грамот как правоустанавливающих документов и экономических интересов церкви, сознательный отказ мирян от возможности отстаивания имущественных прав выглядит очень сомнительным (см. обсуждение в: Insley 2013b. P. 181; о сложных путях, какими отдельные грамоты могли попасть в то или иное собрание или картулярий, см. там же и: Rumble 2013. P. 196–198).

территория была и экономической, и политической базой династии¹¹² – именно здесь в первую очередь концентрировались её личные и коронные имения и проводились королевские собрания, а местные элиты выстраивали непосредственные отношения с уэссекскими государями как через матримониальные, так и через служебные связи (ср. Williams 2008. P. 59–61)¹¹³. Здесь же располагалось большинство крупных церковных общин, которым передавали бокленды и короли, и элиты (вероятно, вторые по примеру первых). Однако уже к 980-м гг. массовые раздачи закончились и в дальнейшем их объёмы пошли на убыль – возможно, под влиянием экономических, юридических и социальных новшеств последних десятилетий перед Нормандским завоеванием и/или в силу исчерпанности свободных королевских имений. На эти объективные обстоятельства внутреннего развития также наложились четверть века правления новой, внешней династии. Не исключено, что в это время, когда можно с оговорками постулировать существование какого-то «земельного рынка», а благосостояние могло проистекать не только из боклендов, чей фонд в королевском распоряжении мог сократиться, «земля по грамоте» уже не была настолько привлекательным экономическим (для личной эксплуатации) и социальным (для церковного патроната) объектом для бенефициаров, как прежде, а сама эта культурная и политико-идеологическая практика могла просто не отвечать запросам времени, как полагает Ч. Инсли.

* * *

Статистические исследования, подобные тем, что были представлены в настоящей статье, позволяют усложнить и обогатить наши представления об изучаемом объекте прошлого и, как мы скромно надеемся, могут послужить полезным исходным материалом для будущих изысканий в англо-саксонистике. С учётом несовершенства исходных данных в заключение мы, тем не менее, хотели бы призвать читателя, по примеру Уильяма Уотта, «не принимать на веру того, что говорит статистика, пока тщательно не изучишь то, о чём она умалчивает» (Watt 1958. P. 382), и помнить знаменитую максиму, что «корреляция ещё не есть каузация».

---

¹¹² Хотя, как замечают С. Бэкстер и Ч. Льюис (Baxter, Lewis, 2017. P. 387), накануне Нормандского завоевания ситуация отличалась: король Эдуард Исповедник имел доходы во всех графствах.

¹¹³ Судя по жалованным грамотам, на протяжении X в. из магнатов из-за пределов традиционной «вотчины» уэссекских государей в более или менее тесные поземельные отношения с домом Альфреда, видимо, в разное время вступали члены клана Вульфрика Спота (о нём см.: Insley 2012; 2013a. P. 352–354; Keynes 1980 [2005]. P. 188–189; Hunt 2016. P. 142–145), а также какие-то эссекские семьи (см. примеч. 80–83). О последних см.: Wareham 2005. P. 13–78.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Болдырева И. И.* Женские монастыри Англии IX – середины XI веков // Научный диалог. 2019. № 12. С. 249–263. [*Boldyreva I. I.* Zhenskiye monastyri Anglii IX – serediny XI vekov (Nunneries in England in the 9th – mid-11th centuries) // Nauchniy dialog. 2019. N 12. S. 249–263.]
- Глебов А. Г.* Англосаксонское судопроизводство и Альфред Великий: дело о поместье в Фонтхилле // Исторические записки: науч. тр. Ист. ф-та Воронежского ун-та. 2000. Вып. 5. С. 119–128. [*Glebov A. G.* Anglosaksonskeye sudoproizvodstvo i Al'fred Velikiy: delo o pomest'ye v Fontkhille (Anglo-Saxon Legal Proceedings and Alfred the Great: the Case of the Fonthill Estate) // Istoricheskiye zapiski: nauch. tr. Ist. f-ta Voronezhskogo un-ta. 2000. Vyp. 5. S. 119–128.]
- Глебов А. Г.* Разрешение земельных споров в раннесредневековой Англии: норма законодательства и судебная практика // *Historia Animata*. М., 2004. Ч. 2. С. 41–51. [*Glebov A. G.* Razresheniye zemel'nykh sporov v rannesrednevekovoy Anglii: norma zakonodatel'stva i sudebnaya praktika (The Resolution of the Land Disputes in Early Medieval England: Legal Norm and Court Practice) // *Historia Animata*. Moscow, 2004. Ch. 2. S. 41–51.]
- Книжица епископа Этельвольда / Пер. с лат., вступ. ст. и примеч. А. Ю. Золотарёва // Средние века. 2008. Т. 63. № 3. С. 159–201. [*Knizhitsa yepiskopa Etel'vol'da (Libellus Æthelwoldi episcopi)* / Transl. from Latin, intr. and comments by A. Yu. Zolotaryov // *Sredniye veka*. 2008. T. 63. № 3. S. 159–201.]
- Сухино-Хоменко Д. В.* К вопросу о хронологическом распределении англо-саксонских грамот XI в. // Письмо и повседневность. М., 2015. Вып. 2. С. 78–84. [*Sukhino-Khomenko D. V.* K voprosu o khronologicheskom raspredelenii anglo-saksonsikh gramot XI v. (On the Chronological Distribution of Anglo-Saxon Charters of the 11th century) // *Pis'mo i povsednevnost'*. Moscow, 2015. Vyp. 2. S. 78–84.]
- Сухино-Хоменко Д. В., Гимон Т. В.* Государи и грамоты: Введение в дипломатику королевского акта в раннесредневековой Англии // *Graphosphaera: Письмо и письменные практики*. М., 2022. Т. 2. № 1. С. 25–174 [*Sukhino-Khomenko D. V., Guimon T. V.* Gosudari i gramoty: Vvedeniye v diplomatiku korolevskogo akta v rannesrednevekovoy Anglii (*Cyningas and cartae: An introduction in the diplomatic of royal charters in early medieval England*) // *Graphosphaera: Writing and Written Practices*. Moscow, 2021. Vol. 2. № 1. S. 25–174] (<http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-25-174> [3.10.2021]).
- Фонтхильское письмо (судебная тяжба в англосаксонской Англии) / Пер. с др.-англ., вступ. ст. и примеч. З. Ю. Метлицкой // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2009. № 2. С. 220–225. [*Fontkhil'skoye pis'mo (sudebnaya tyazhba v anglosaksonskey Anglii)* (The Fonthill Letter: A Lawsuit in Anglo-Saxon England) / Transl. from Old English, intr. and comments by Z. Yu. Metlitskaya // *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya*. 2009. № 2. S. 220–225.]
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Revisited Translation* / Ed. D. Whitelock, D. C. Douglas, S. I. Tucker. L.: Eyre and Spottiswoode, 1961.
- BASC – Anglo-Saxon Charters (British Academy and Royal Historical Society series)* / Ser. ed. N. Vincent. Oxford: Oxford University Press, 1973– Vol. 1–20.

- Bates – *Regesta Regum Anglo-Normannorum: The Acta of William I (1066–1087)* / Ed. D. Bates. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Baxter S. The Domesday Controversy: A Review and a New Interpretation // The Haskins Society Journal. 2017. Vol. 29. P. 225–293.
- Baxter S. Lordship and Justice in Late Anglo-Saxon England: The Judicial Functions of Soke and Commendation Revisited // Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. S. Baxter et al. Farnham, 2009. P. 383–419.
- Baxter S., Blair J. Land Tenure and Royal Patronage in the Early English Kingdom: A Model and a Case of Study // Anglo-Norman Studies. 2006. Vol. 28. P. 19–46.
- Baxter S., Lewis C. P. Domesday Book and the Transformation of English Landed Society, 1066–86 // Anglo-Saxon England. 2017. Vol. 46. P. 343–403.
- Bougard F., Bühner-Thierry G., Le Jan R. Elites in the Early Middle Ages: Identities, Strategies, Mobility // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2013. Vol. 68. N 4. P. 733–768.
- Darby H. C. Domesday England. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Dogson J. McN., Palmer J. J. N. Domesday Book: A Survey of the Counties of England. Chichester: Phillimore, 1992. Vol. 37: Index of Persons.
- Esch A. Überlieferungs-Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // Historische Zeitschrift. 1985. Bd. 240. N 3. S. 529–570.
- Fenton A. G. P. Writs in England before the Norman Conquest: PhD Thesis / Univ. of Cambridge. Cambridge, 2020 // www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/313389 (9.09.2021).
- Fenton A. G. P. Royal Authority, Regional Integrity: The Function and Use of Anglo-Saxon Writ Formulae // The Languages of Early Medieval Charters: Latin, Germanic Vernaculars, and the Written Word. Leiden; Boston, 2021. P. 412–435.
- Foot S. Æthelstan: The First King of England. L.; New Haven: Yale University Press, 2011.
- Foy J. D. Domesday Book: A Survey of the Counties of England. Chichester: Phillimore, 1992. Vol. 38: Index of Subjects.
- GDB, LDB = Domesday Book: A Survey of the Counties of England / Ser. ed. J. Morris. Chichester: Phillimore, 1973–1986. Vol. 1–35.
- Godfrey J. The Church in Anglo-Saxon England. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- Grassi J. L. The Lands and Revenues of Edward the Confessor // The English Historical Review. 2002. Vol. 117. N 471. P. 251–283.
- Hadcock R. N., Knowles D. Medieval Religious Houses: England and Wales. L.: Longmans, Green, 1958.

- Hart C. R., Syme A.* The Earliest Suffolk Charter // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology and History. 1987. Vol. 36 (3). P. 165–181.
- Hunt J.* Warriors, Warlords and Saints: The Anglo-Saxon Kingdom of Mercia. Alcester: West Midlands History, 2016.
- Insley Ch.* Where Did All the Charters Go? Anglo-Saxon Charters and the New Politics of the Eleventh Century // Anglo-Norman Studies. 2001. Vol. 24. P. 109–127.
- Insley Ch.* The Family of Wulfric Spott: An Anglo-Saxon Marcher Dynasty? // The English and their Legacy, 900–1200: Essays in Honour of Ann Williams / Ed. D. Roffe. Woodbridge, 2012. P. 115–128.
- Insley Ch.* Archives and Lay Documentary Practice in the Anglo-Saxon World // Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages / Ed. W. C. Brown et al. N. Y., 2013. P. 336–362. (a)
- Insley Ch.* Looking for Charters that Aren't There: Lost Anglo-Saxon Charters and Archival Footprints // Problems and Possibilities of Early Medieval Charters / Ed. J. Jarrett, A. S. McKinley. Turnhout, 2013. P. 171–186. (b)
- Insley Ch.* England and the Atlantic Archipelago: From Alfred to the Norman Conquest // Debating Medieval Europe: The Early Middle Ages, c. 450 – c. 1050 / Ed. S. Mossman. Manchester, 2020. P. 226–263. (a)
- Insley Ch.* Why 1016 Matters; or, The Politics of Memory and Identity in Cnut's Kingdom // Conquests in Eleventh-Century England: 1016, 1066 / Ed. L. Ashe, E. J. Ward. Woodbridge, 2020. P. 3–22. (b)
- Jurasinski S., Oliver L.* The Laws of Alfred: The *Domboc* and the Making of Anglo-Saxon Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Hill D.* An Atlas of Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford University Press, 1981.
- Kelly S.* Trading Privileges from eighth-century England // Early Medieval Europe. 1992. Vol. 1. N 1. P. 3–28.
- Keynes S.* The Diplomas of King Æthelred 'the Unready' 978–1016: A Study in Their Use as Historical Evidence. Cambridge: Cambridge University Press, 1980 [2005].
- Keynes S.* Regenbald the Chancellor (*sic*) // Anglo-Norman Studies. 1988. Vol. 10. P. 185–222.
- Keynes S.* Royal Government and the Written Word // The Uses of Literacy in Mediaeval Europe / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1990. P. 227–256.
- Keynes S.* The Fonthill Letter // Words, Texts and Manuscripts: Studies in Anglo-Saxon Culture Presented to Helmut Gneuss / Ed. M. Korhammer. Cambridge, 1992. P. 53–97.
- Keynes S.* A Conspectus of the Charters of King Edgar, 957–75 // Edgar, King of the English 959–975: New Interpretations / Ed. D. G. Scragg. Woodbridge, 2008. P. 60–80.

- Keynes S.* Church Councils, Royal Assemblies, and Anglo-Saxon Royal Diplomas // Kingship, Legislation and Power in Anglo-Saxon England / Ed. G. R. Owen-Crocker, B. W. Schneider. Woodbridge, 2013. P. 17–182.
- Keynes S.* Heregeld // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England / Ed. by M. Lapidge, J. Blair, S. Keynes, and D. Scragg. 2nd ed. Chichester, 2014. P. 240.
- Knowles D.* The Monastic Order in England: A History of its Development from the Times of St Dunstan to the Fourth Lateran Council, 940–1216 / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.
- Lambert T. B.* Law and Order in Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Lavelle R.* Royal Control and the Disposition of Estates in Tenth-Century England: Reflections on the Charters of King Eadwig (955–959) // The Haskins Society Journal. 2011. Vol. 23. P. 23–50.
- Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle: Max Niemeyer, 1903. Bd. 1.
- Lupoi M.* The Origins of the European Legal Order / Transl. A. Belton. N. Y.: Cambridge University Press, 2000 (первая публикация под заголовком «Alle Radici del Mondo Giuridico Europeo» в 1994 г.).
- Middle English Dictionary / Ser. ed. R. E. Lewis. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997. Vol. U–V.
- Molyneaux G.* The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. N. Y.: Oxford University Press, 2015.
- Naismith R.* The Land Market and Anglo-Saxon Society // Historical Research. 2016. Vol. 89. № 243. P. 19–41.
- Page 1906 – A History of the County of Lincoln / Ed. W. Page. L.: Victoria County History, 1906. Vol. 2.
- Page 1908a – A History of the County of Dorset / Ed. W. Page. L.: Victoria County History, 1908. Vol. 2.
- Page 1908b – A History of the County of Warwick / Ed. W. Page. L.: Victoria County History, 1908. Vol. 2.
- Page 1975 – A History of the County of Suffolk / Ed. W. Page. L.: Victoria County History, 1975. Vol. 2.
- Page, Proby, Norris 1926 – A History of the County of Huntingdon / Ed. W. Page, G. Proby, H. E. Norris. L.: Victoria County History, 1926. Vol. 1.
- Pratt D.* The Political Thought of King Alfred the Great. N. Y.: Cambridge University Press, 2007.
- Reynolds S.* Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Roach L.* Kingship and Consent in Anglo-Saxon England, 871–978: Assemblies and the State in the Early Middle Ages. N. Y.: Cambridge University Press, 2013.

- Rollason D.* Early Medieval Europe, 300–1050: A Guide for Studying and Teaching. 2nd ed. N. Y.: Routledge, 2018.
- Rumble A. R.* The Structure and Reliability of the *Codex Wintoniensis* (British Museum Additional MS 15350; the Cartulary of Winchester Cathedral Priory): PhD Thesis / Univ. of London. L., 1980.
- Rumble A. R.* Old English *bōc-land* as an Anglo-Saxon Estate-Name // Leeds Studies in English. 1987. Vol. 18. P. 219–229.
- Rumble A. R.* Anglo-Saxon Royal Archives: Their Nature, Extent, Survival and Loss // Kingship, Legislation and Power in Anglo-Saxon England / Ed. G. R. Owen-Crocker, B. W. Schneider. Woodbridge, 2013. P. 185–199.
- Salzman L. F.* A History of the County of Cambridge and the Isle of Ely. L.: Victoria County History, 1948. Vol. 2.
- The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe / Ed. W. Davies, P. Fouracre. N. Y.: Cambridge University Press, 1986.
- Snook B.* The Anglo-Saxon Chancery: The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar. Woodbridge: The Boydell Press, 2015.
- Stattel J. A.* Legal Culture in the Danelaw: A Study of III Æthelred // Anglo-Saxon England. Cambridge, 2022. Vol. 48. P. 163–202.
- Stenton F. M.* The Latin Charters of the Anglo-Saxon Period. Oxford: Clarendon Press, 1955.
- Sukhino-Khomenko D.* “Twelve Angry Thegns”: Some Possible Old Norse Legalisms in Old English Texts // Scandia: Journal of Medieval Norse Studies. 2020. Vol. 3. P. 201–237
(<https://periodicos.ufpb.br/ojs/index.php/scandia/article/view/53709> [3.10.2021])
- Sukhino-Khomenko D.* «Thrymsa, a Coin [not] in Circulation in Northern England»: Source Criticism of Archbishop Wulfstan’s *Norðleoda Laga* and its Monetary Systems in the Way of Social History (England, 10–11th centuries) // Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2021. Vol. 6. N 1. P. 8–42
(<http://proslogion.ru/61-sukhino-khomenko/> [3.10.2021]).
- Timofeeva O.* Chancery Norms Before Chancery English? Templates in Royal Writs from Alfred the Great to William the Conqueror // Journal of Historical Pragmatics. 2019. Vol. 20. N 1. P. 51–77.
- Tinti F.* Writing Latin and Old English in Tenth-Century England: Patterns, Formulae and Language Choice in the Leases of Oswald of Worcester // Writing, Kingship and Power in Anglo-Saxon England / Ed. R. Naismith, D. A. Woodman. N. Y., 2018. P. 303–327.
- Tollerton L.* Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. N. Y.; York: Boydell and Brewer — York Medieval Press, 2011.

- Trousdale A. A.* The Charter Evidence for the Reign of King Edmund (939–46) // Problems and Possibilities of Early Medieval Charters / Ed. J. Jarrett, A. S. McKinley. Turnhout, 2013. P. 253–274.
- Wareham A.* Lords and Communities in Early Medieval East Anglia. Woodbridge: The Boydell Press, 2005.
- Watt W. W.* An American Rhetoric. 3rd ed. N. Y.: Rinehart and Co, 1958.
- Williams A.* The English and the Norman Conquest. Woodbridge: The Boydell Press, 1995.
- Williams A.* The World before Domesday: The English Aristocracy, 900–1066. London: Continuum, 2008.
- Wormald P.* *On þa Wæpnedhealfe*: Kingship and Royal Property from Æthelwulf to Edward the Elder // Edward the Elder, 899–924 / Ed. N. J. Higham, D. Hill. L.; N. Y., 2001. P. 264–279.
- Wormald P.* Bede and the Conversion of England: The Charter Evidence // *Wormald P.* The Times of Bede / Ed. S. Baxter. Oxford, 2006. P. 135–166 (first published 1984).
- Wormald P.* Papers Preparatory to The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century / Ed. S. Baxter, J. Hudson. University of London: Early English Laws, 2014 // <http://www.law.harvard.edu/faculty/cdonahue/courses/lhsemelh/materials/Papers%20Preparatory%20to%20MEL2.pdf> (25.12.2021).

Онлайн-ресурсы / Online resources

- LangScape* — The Language of Landscape // <https://langscape.org.uk/index.html> (3.10.2021).
- LASC — Languages of Anglo-Saxon Charters // www.ehu.eus/lasc (3.10.2021).
- PASE — Prosopography of Anglo-Saxon England // <https://pase.ac.uk/> (14.02.2022).
- PASE Domesday* — Domesday Prosopography of Anglo-Saxon England // <https://domesday.pase.ac.uk> (3.10.2021).
- S — The Electronic Sawyer // www.esawyer.lib.cam.ac.uk (3.10.2021).

Информация об авторе

ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ СУХИНО-ХОМЕНКО
Аспирант Университета г. Гётеборг
(Швеция) в Институте исторических
исследований
Institutionen för historiska studier,
Box 200, 405 30 Göteborg, Sverige
e-mail:
denis.sukhino-khomenko@gu.se

Information about the author

DENIS V. SUKHINO-KHOMENKO
PhD-student at the University of
Gothenburg (Sweden), Department
of Historical Studies
Institutionen för historiska studier,
Box 200, 405 30 Göteborg, Sverige
e-mail:
denis.sukhino-khomenko@gu.se